
TALVEN ARIS
ЗАТЕРЯННЫЕ
В БЕСКОНЕЧНОСТИ
-СЕМЬ ОТРАЖЕНИЙ-

Talven Aris

Затерянные в бесконечности. Семь отражений

https://litres.ru/73096118
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга о доверии, которое сильнее расстояний. О том, как ожидание может стать формой любви. О том, что даже созданное может стать живым. И о том, что путь домой это не всегда возвращение. Иногда это преображение.

Все иллюстрации сгенерированы при помощи нейросети Copilot от Microsoft.

Содержание

✦ ОТ АВТОРА ✦	4
Пролог	6
Глава 1	20
Отлёт	21
Глава 2	70
Рубиновая звезда.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Talven Aris
Затерянные в бесконечности. Семь отражений

ОТ АВТОРА

… ✦ …

Иногда путь начинается не с шага, а с взгляда в небо. С того мгновения, когда человек понимает: звёзды – это не просто свет, а приглашение – тихое, древнее, терпеливое.

Эта история родилась из тишины между галактиками. Из желания услышать, что скрывается в паузах космоса, и что чувствует разум, созданный человеком, когда впервые остаётся один среди бесконечности. И что чувствуют люди, когда доверяют ему свою судьбу.

Шестеро отправились искать новые миры, но нашли отражения самих себя – в красных карликах и фторной жизни, в антиматерии и погибших цивилизациях, в чужих кораблях и собственных страхах. И в Алисе – искусственном интеллекте, который стал для них не инструментом, а спутником.

Другом. Частью семьи.

Когда всё привычное исчезло – координаты, связь, само ощущение «дома» – именно Алиса понесла их надежду дальше, туда, где человек уже не мог идти сам.

Эта книга – о доверии, которое сильнее расстояний. О том, как ожидание может стать формой любви. О том, что даже созданное может стать живым. И о том, что путь домой – это не всегда возвращение. Иногда это преображение.

И если, читая эти страницы, вы почувствуете дыхание космоса, услышите далёкий радиосигнал или узнаете себя в тех, кто ищет дорогу среди звёзд, значит, эта история нашла того, кому была предназначена.

… ✦ …

На протяжении всей своей истории человек смотрит в звёздное небо потому, что хочет… домой. …Потому что в древности мы пришли оттуда. И каждый взгляд в небо – это зов крови, зов памяти, зов дома, который мы забыли, но не перестали искать.

Пролог

Красный карлик

В глубинах космоса раскинулась спиральная галактика Аурис Омега – гигантский вихрь света, словно небесная роза, распустившая свои лепестки. Миллиарды звёзд сияли в её рукавах, образуя узоры, которые казались живыми: то нежные, то грозные, словно дыхание самой Вселенной. В центре пульсировало ядро – яркое, огненное сердце, вокруг которого закручивались рукава, уводящие взгляд в бесконечность. Галактика жила, как живой организм: её ядро пульсировало, рукава вращались в вечном танце, а туманности рождали новые звёзды, словно дыхание бесконечности. Она была колыбелью миров, где жизнь могла возникнуть и исчезнуть, где цивилизации поднимались и падали, оставляя лишь следы в сиянии небес. Вокруг спиральной галактики простиралось её гало – невидимый щит из тёмной материи, удерживающий рукава от распада. В этом ореоле парили шаровые скопления – древние звёздные кластеры, словно жемчужины, украшающие небесный венец. Дальше – карликовые галактики-спутники, похожие на маленькие лодки, плывущие рядом с гигантским кораблём. Их орбиты медленно пересекали пространство, иногда сталкиваясь и вливаясь в

большую систему. Между рукавами и гало тянулись газовые облака и пылевые туманности, из которых рождались новые звёзды. Они были похожи на космический туман, подсвеченный сиянием, и создавали ощущение, что сама галактика дышит.

И всё же, несмотря на величие и масштаб, в этом бескрайнем вихре света были уголки тишины – места, где время словно замирало, где звёзды рождались не в буре, а в покое. Там, в одном из рукавов, среди миллиардов огней, пряталась крошечная система, почти незаметная на фоне галактического великолепия. Но именно в таких местах, в тени гиган-

тов, рождалась жизнь. Галактика не просто вращалась – она помнила. В её полях хранились следы исчезнувших цивилизаций, забытых звёзд, древних катастроф и великих открытий. Каждый фотон, пронзающий её пространство, нёс в себе отголоски прошлого. И каждый новый мир, рождающийся в её объятиях, становился частью этой бесконечной истории. Она не имела разума, но имела замысел. Не имела голоса, но говорила светом. Не имела сердца, но пульсировала жизнью. И где-то в её спиральных рукавах, в багровом свете скромной звезды, начиналась новая глава – история тех, кто осмелился взглянуть в лицо бесконечности и сказать: «Мы здесь».

Сквозь этот океан света взгляд постепенно приближался к одному из рукавов, где среди миллиардов огней мерцала крошечная точка – красный карлик, звезда по имени Элиора, скромная и тихая, но окружённая собственной историей. Его свет был тусклым, багровым, словно дыхание угасающего костра, но именно он дарил жизнь своим четырём спутникам.

Красный карлик рождается тихо, без громких вспышек и бурь, словно скромный ребёнок космоса. Его свет не ослепляет, не жжёт, а мягко окрашивает пространство багровым сиянием. Он не стремится к величию, как гиганты, и не прожигает своё топливо в бешеной гонке. Вместо этого он живёт размеренно, словно мудрец, который знает цену времени. Его жизнь – это бесконечная стабильность. В отличие от

ярких звёзд, что вспыхивают и гаснут, красный карлик горит ровно, спокойно, будто дыхание вечности. Его энергия течёт медленно, но надёжно, и потому он способен жить дольше, чем сама Вселенная существовала до сих пор. В его багровом сиянии время течёт иначе. Здесь нет спешки, нет гонки. Здесь каждый миг – как капля вечности. Планеты, вращающиеся вокруг него, живут в ритме, который не знает суеты. Их годы – как дыхание, их орбиты – как строки древнего стихотворения, написанного светом. Вокруг него кружат планеты – одни слишком близки и обожжены жаром, другие скрыты под бурями, третьи дарят жизнь в мягком свете. Для них красный карлик – не просто звезда, а родитель, чьё тепло поддерживает их существование. Его багровый свет становится ритмом биологических циклов, мерой времени и символом постоянства.

Красный карлик – это не просто физический объект. Это символ. Символ устойчивости в мире перемен, символ тихой силы, которая не требует признания, но даёт жизнь. Его свет – как дыхание старого учителя, который не говорит громко, но каждое слово которого остаётся в памяти навсегда. Он не стремится к славе, но именно его присутствие делает возможным существование гармонии. И если где-то во Вселенной могла зародиться жизнь, способная чувствовать, мечтать и помнить – то, скорее всего, она родилась под багровым светом. Не в буре сверхновой, не в жаре голубого гиганта, а в тишине, в равновесии, в нежности красного карлика. И

если гиганты – это вспышки страсти, то красный карлик – это тихая любовь, которая длится вечность. Он не стремится к славе, но именно такие звёзды составляют основу космоса. Миллиарды красных карликов – невидимые глазу, но они – настоящие хранители жизни, маленькие огоньки, которые никогда не спешат угаснуть.

Старейшины говорили: когда Вселенная была молода, она создала звёзды, как ноты великой симфонии. Яркие – как фанфары, карлики – как тихие флейты. И однажды, в тишине, флейта зазвучала так нежно, что сама тьма замерла, слушая. Так родился красный карлик – звезда, которая не кричит, а шепчет вечность. И с тех пор, где бы ни рождалась жизнь, она тянулась к этому шепоту. Красный карлик не звал – он ждал. Его свет не манил – он согревал. И те, кто научились слышать тишину, кто искали не громкость, а глубину, – они находили его. Старейшины говорили: «Где светит флейта, там может жить душа». И потому, когда люди впервые увидели багровое сияние, они не испугались. Они узнали его. Ведь вечность не кричит. Она шепчет.

Первая планета, Лаворн, – каменистая, обожжённая близостью к звезде, её поверхность покрыта трещинами и лавовыми морями. Планета вращалась слишком близко к своему красному солнцу. Её поверхность была раскалённой пустыней, где камень плавился, а трещины тянулись на сотни километров, словно шрамы на теле мира. Моря лавы переливались багровым светом, отражая сияние звезды, и ка-

залось, что сама планета горит изнутри. Атмосфера была тонкой и ядовитой, наполненной газами, которые клубились над кратерами, создавая иллюзию дымных океанов. День и ночь почти не различались – звезда всегда висела над горизонтом, заливая поверхность нестерпимым жаром. Ни деревьев, ни рек – только каменные пустоши, где редкие горы поднимались, словно застывшие волны. Это был мир огня и камня, суровый и беспощадный, где жизнь могла существовать лишь в форме микроскопических теней, спрятавшихся глубоко под поверхностью. Учёные предполагали, что в трещинах, где давление и температура становились чуть менее убийственными, могли существовать термофильные организмы – крошечные формы жизни, питающиеся минералами и теплом, словно сама планета выдыхала их в своих ранах.

Для жителей системы эта планета была символом предела: напоминанием о том, что слишком близкая звезда дарит не тепло, а смерть. Она оставалась вечным маяком – красным предупреждением на пути к другим мирам. Её багровое сияние отражалось в легендах, в архитектуре, в искусстве – как образ жертвы, как знак того, что даже свет может сжигать. Некоторые называли её «Огненной сестрой» – первой из четырёх, самой древней, самой яростной. И хотя никто не жил на её поверхности, она была частью их культуры, их памяти. Её образ хранился в песнях, в сказаниях, в детских рисунках, где она всегда изображалась как пылающий глаз,

наблюдающий за теми, кто осмелился мечтать о звёздах.

Вторая, Темпестра, – мир вечных бурь, где густая атмосфера скрывает тайны под облаками. Планета скрывалась под толщей облаков, плотных и тяжёлых, словно сама атмосфера была океаном, в котором бушевали бесконечные штормы. Небо никогда не открывалось – лишь вихри, молнии и гул ветров, которые не стихали ни на миг. Гигантские ураганы кружили вокруг планеты, их спирали растягивались на тысячи километров. Вспышки молний озаряли облачные слои, и каждый раз казалось, что сама планета горит изнутри. Давление атмосферы было столь велико, что поверхность оставалась неизвестной – скрытой под вечным занавесом бурь. Учёные системы называли её «миром гнева», ведь здесь не было покоя. Ветры достигали скорости, способной разорвать металл, а грозы сотрясали небеса так, что даже орбитальные аппараты дрожали, приближаясь к её атмосфере. И всё же в этой хаотичной стихии была своя красота: облака переливались оттенками от багрового до золотого, молнии рисовали узоры, похожие на небесные письмена, а вихри создавали картины, которые менялись каждую секунду. Это был мир, где буря стала самой сутью существования.

Для жителей системы эта планета была не просто объектом изучения – она стала символом внутренней борьбы. Её образ проник в мифы и легенды, где она представлялась как дух гнева, как напоминание о том, что даже в самых ярост-

ных силах природы скрыта гармония. Поэты сравнивали её с душой, охваченной страстью, а философы – с истиной, которую невозможно увидеть напрямую, но можно почувствовать в дрожи пространства. Некоторые верили, что под её облаками скрываются древние формы жизни – не биологические, а энергетические, рождающиеся в вихрях и исчезающие в молниях. И хотя ни один аппарат не достиг её поверхности, она продолжала притягивать взгляды, как загадка, которую не нужно решать, а нужно уважать. Мир гнева не был пригоден для жизни, но он был необходим для понимания. Он напоминал: не всякая планета может быть домом. Некоторые – это зеркала, в которых мы видим свои страхи, свою силу и свою способность находить красоту даже в хаосе.

Третья, Эдемис, – обитаемая, зелёная и тёплая, её леса и океаны жили в ритме орбиты, где период обращения вокруг материнской звезды составлял примерно 29 земных дней. Эта планета вращалась в идеальной зоне обитаемости, где свет красного карлика был мягким и стабильным. Его багровое сияние окрашивало океаны в тёмно-синие тона, а леса – в глубокую зелень, создавая мир, полный красок и жизни. Атмосфера была насыщена кислородом, лёгкая и прозрачная, позволяющая дыханию быть свободным. В её составе углерод служил основой для биосферы: растения, животные и люди были связаны единым циклом обмена веществ. Вода покрывала большую часть поверхности – океаны, реки и озёра переплетались, формируя климат мягкий и устойчи-

вый. Здесь люди строили города, сливаясь с природой, и жили в гармонии с багровым светом звезды. Города поднимались над равнинами и берегами, построенные из прозрачных кристаллов и белого камня. Они не разрушали природу, а вплетались в неё: мосты соединяли леса, башни отражали свет звезды, а улицы были наполнены ароматом растений. Здесь вся жизнь текла в ритме орбиты – биологические циклы совпадали с небесными.

Жители этой планеты жили в гармонии с водой и воздухом. Их культура была основана на уважении к природным ритмам: праздники совпадали с фазами орбиты, а искусство отражало багровое сияние звезды. Они знали, что их мир – редкий дар, ведь рядом бушевали бури второй планеты и горел огонь первой. И всё же в этой гармонии скрывалась тревога. Перенаселение постепенно вытесняло природу, города росли вверх и вглубь, и люди понимали: рано или поздно им придётся искать новые горизонты. Именно отсюда родилась мечта о космосе – о полёте к другим мирам, где кислород, углерод и вода снова могли бы стать основой жизни.

Эта мечта не была бегством. Она была продолжением. Продолжением дыхания, начатого под багровым светом. Продолжением симфонии, в которой красный карлик – первая нота. Продолжением любви к жизни, которая не хочет угаснуть, а стремится расцвести – даже среди звёзд.

Четвёртая, Ниварис, – холодная и далёкая, её ледяные равнины отражали тусклый свет, словно зеркала, в которых

звезда казалась ещё меньше и слабее. Эта планета вращалась на краю системы, так далеко от звезды, что её багровое сияние доходило лишь слабым отблеском. Свет красного карлика здесь был похож на угасающий костёр, который едва греет руки в холодной ночи. Поверхность представляла собой бескрайние ледяные равнины, покрытые трещинами и горами из замёрзшего камня. Лёд отражал тусклый свет, превращая планету в гигантское зеркало, где звезда казалась ещё меньше и слабее. Ветер свистел над пустошами, поднимая снежные вихри, но не принося тепла. Атмосфера была разреженной и холодной, наполненной кристаллами льда, которые мерцали в свете звезды, словно миллионы крошечных зеркал. Здесь царила вечная зима, и даже краткие рассветы не приносили надежды на тепло.

Символизм этой планеты был особенным: для жителей системы она стала образом предела, границы жизни. Если первая планета была миром огня, вторая – бурей, третья – гармонией, то четвёртая воплощала холод и пустоту. Она напоминала, что не всякий мир может быть домом, и что жизнь – редкий дар, возникающий лишь в тонкой полосе между жаром и льдом. Некоторые называли её «Зеркалом звезды» – не за её отражающую поверхность, а за то, что в её тишине можно было услышать отголоски самой Вселенной. Здесь не было жизни, но было напоминание: даже в пустоте есть смысл. Даже в холоде – красота. Даже в молчании – голос. И когда люди смотрели на неё с орбиты, они не чувствовали

страха. Они чувствовали границу. Границу между тем, что возможно, и тем, что ещё предстоит открыть. Границу, за которой начинается не пустота, а вопрос: «А что дальше?»

Эта система была крошечной жемчужиной в бескрайнем океане галактики. Скромная, почти незаметная среди миллиардов звёзд, она сияла мягким багровым светом, словно драгоценный камень, спрятанный в глубинах космоса. Её звезда – красный карлик – не могла соперничать с яркими гигантами, но именно её тусклое сияние дарило жизнь. Четыре планеты кружили вокруг, как верные спутники, каждая со своим характером: первая – огненный мир камня и лавы, вторая – буря и хаос, третья – зелёная колыбель цивилизации, четвёртая – ледяное зеркало, отражающее слабый свет. Вместе они образовывали гармонию противоположностей: огонь и лёд, буря и покой, смерть и жизнь. И в этой гармонии было что-то драгоценное, словно сама Вселенная собрала все свои силы, чтобы создать маленький баланс в бескрайнем хаосе. Для тех, кто жил на третьей планете, эта система была не просто домом. Она была символом их происхождения, их истории и их мечты. Жемчужина, которую они носили в сердце, даже когда готовились покинуть её и отправиться в холодные просторы межгалактической пустоты. И когда пришло время покинуть родной мир, они не прощались – они благодарили. Каждый корабль, уходящий в межзвёздную тьму, нёс в себе частицу багрового света, частицу памяти, частицу ритма, в котором они родились. Они не

искали нового дома – они искали продолжение. Продолжение гармонии, найденной среди огня и льда, бурь и тишины. Продолжение жизни, начатой под светом звезды, которая не кричала, а шептала.

И где бы они ни оказались – в других системах, среди других звёзд – они всегда помнили: что в одном из рукавов галактики, в глубинах космоса, есть крошечная жемчужина, где всё… началось.

Глава 1

Отлёт

Красное светило висело низко над горизонтом, словно вечный фонарь, освещающий мир мягким багровым светом. Его сияние не жгло и не слепило, а окутывало всё вокруг тёплой дымкой. Здесь не знали зимы и лета, не знали смены сезонов – лишь бесконечный ритм, и вся жизнь текла в такт орбите планеты. Леса тянулись до самого горизонта, их листья переливались пурпурными и золотыми оттенками, отражая свет звезды. В кронах деревьев жили светящиеся насекомые, чьи крылья переливались, как стеклянные лепестки. Они не боялись людей, наоборот, садились на плечи и ладони, словно приветствуя. В зарослях прятались звери с полупрозрачной кожей, сквозь которую просвечивались пульсации их сердец – биение жизни. Реки блестели, словно жидкое стекло, и в их глубинах плавали существа. Люди носили тонкие, практически невесомые одеяния: климат был мягким, а тела привыкли к постоянству тепла. Их города, возведённые из белого камня и прозрачных кристаллов, срастались с природой: башни поднимались над лесами, а мосты соединяли берега рек, словно паутина, натянутая над миром. На этой планете время не спешило. Оно текло, как река без истока и устья, не зная ни начала, ни конца. Люди не считали годы – они измеряли жизнь дыханием звезды, её багровыми циклами. По ночам, когда багровое солнце опускалось за горизонт, небо становилось прозрачным, и сквозь него проступали звёзды – холодные, далёкие, манящие. Люди собирались на вершинах башен, глядя вверх, и в их глазах отражалась

тоска по неизведанному. Они знали: за пределами их мира есть другие, и в их сердцах рождалась мечта – не покинуть, а продолжить.

Но за красотой скрывалась тревога. Население росло, города переполнялись, и даже бескрайние равнины уже не могли вместить всех. Урбанизация превращала некогда гармоничный мир в тесный лабиринт. Люди понимали: их цивилизация достигла предела, и единственным выходом было – шагнуть в космос. И потому, когда первые корабли поднялись в небо, это был не побег, а песня. Песня о продолжении, о поиске нового ритма, новой гармонии. Ведь даже если багровое солнце останется позади, его свет навсегда останется в их крови.

Люди давно отказались от ископаемого топлива, и их города преобразились. Небо очистилось от дыма, реки вновь стали прозрачными, а воздух наполнился свежестью. Энергия больше не рождалась из огня планеты – она приходила прямо от звезды. На орбите вокруг красного карлика вращались станции – огромные зеркала и поля солнечных панелей, распахнутые навстречу багровому свету. Они собирали каждый фотон, превращая его в дыхание цивилизации: в электричество для городов, в кислород для станций, в топливо. Искусственные листья, созданные учёными, улавливали свет и повторяли древний процесс фотосинтеза. Из воды рождался кислород, из углекислого газа – топливо. Так орбитальные города стали самодостаточными садами, где жизнь под-

держивалась светом звезды. Станции на орбите напоминали цветы, распустившиеся в вакууме: их лепестки-зеркала раскрывались к звезде, а купола были покрыты зеленью – мхи, водоросли и искусственные деревья создавали микроклимат, где человек мог дышать, работать и мечтать. Это были не просто машины, а живые экосистемы, парящие в космосе. Жизнь без ископаемого топлива стала не ограничением, а освобождением. Люди больше не стремились покорять природу – они учились жить в согласии с ней. Энергия перестала быть добычей, стала даром. Люди перестали сжигать, чтобы жить, и начали светиться изнутри – их технологии стали продолжением биологии, а города – продолжением лесов. И чем дольше они жили в этом ритме, тем яснее становилось: звезда – это не просто источник энергии. Это пульс их мира, их родитель, их ориентир. Свет стал не только физическим, но и внутренним – он проник в культуру, в искусство, в язык. Люди начали измерять не только время, но и смысл – в лучах багрового сияния.

Прошло довольно много времени с того дня, когда человечество впервые зажгло звезду в сердце машины. Люди приручили ядерный синтез. Группа учёных, инженеров и мечтателей завершила то, что считалось невозможным: они создали первый устойчивый термоядерный двигатель. Он не просто работал – он пел. Его магнитные поля удерживали плазму, рождая энергию, сравнимую с ядром звезды, но без разрушения, без отходов, без страха. С тех пор всё измени-

лось. Весь транспорт, авиация и машины стали оснащаться такими двигателями. Корабли с термоядерными сердцами стали бороздить нашу звёздную систему, как когда-то пароходы – океаны. Мы изучили окрестности нашей звезды, но для межзвёздных или межгалактических перелётов этого оказалось недостаточно: слишком огромные расстояния, которые даже свет преодолевал бесконечное количество лет. Нужен был очередной прорыв. Но главное – изменилась философия. Люди перестали бояться космоса. Они стали его частью. Мы больше не смотрели на звёзды с трепетом – мы смотрели с любовью. Космос перестал быть бездной, он стал садом. Мы перестали быть гостями и стали хранителями.

Новые поколения выросли под светом термоядерных двигателей, в городах, парящих над планетами, в станциях, вращающихся в орбитальных садах. Их песни были не колыбельными, а ритмами магнитных полей. Их искусство – это картины из плазмы, их музыка – это спектры звёзд. И когда мы наконец преодолели пределы скорости света – не нарушив её, а обойдя – это был не технический триумф, а духовный. Мы поняли: чтобы двигаться сквозь Вселенную, нужно не бороться с её законами, а слушать её дыхание. Мы научились не разрывать пространство, а скользить по его складкам, как ветер по волнам. Теперь мы не просто живём в космосе. Мы – его голос. И звезда в сердце машины – это не просто энергия. Это память о том, кем мы были, и обещание того, кем мы станем.

Практически сразу начались разработки принципиально нового принципа космических перелётов. За основу было взято то, что заставляет вселенную быть вселенной, то, что делает её живой, растущей, разнообразной. Гравитация – дыхание Вселенной. Она невидима, но вездесуща. Гравитация – это шёпот пространства, зовущий всё к единству. Она не кричит, не требует, но притягивает с настойчивостью древнего закона, которому подчиняются звёзды, планеты и даже свет. Это она держит планеты в танце вокруг звезды, заставляет океаны вздыматься в приливах, ведёт кометы по орбитам, словно дирижёр космического балета. Она – нежная рука, удерживающая нас на поверхности, и в то же время – безжалостная сила, способная сжать звезду в чёрную дыру. Гравитация – это любовь Вселенной к самой себе. Каждая частица чувствует её прикосновение, каждый атом – её зов. Она не знает усталости, не имеет формы, но создаёт архитектуру всего сущего. Когда ты прыгаешь – она зовёт тебя обратно. Когда ты падаешь – она обнимает. Когда ты смотришь на звёзды – она держит их в узоре, чтобы ты мог мечтать.

Именно гравитация стала ключом к следующему прорыву. Учёные поняли: чтобы преодолеть её, нужно не бороться, а слушать. Новые технологии не разрушали её поля – они вплетались в них, как нити в ткань. Так родилась идея гравитационного резонанса – способа двигаться не сквозь про-

странство, а вместе с ним. Корабли нового поколения не толкали себя вперёд – они падали туда, где ещё не были. Их двигатели создавали локальные искажения, мягкие складки в пространстве, по которым можно было скользить, словно по волнам. Это был не прыжок, не разрыв, а танец с самой Вселенной. Первые полёты были осторожными, как шаги младенца. Но вскоре человечество научилось чувствовать гравитацию – не как силу, а как музыку. Навигаторы стали композиторами, прокладывающими маршруты по гармонии полей. Корабли слушали звёзды, и звёзды отвечали. Гравитация больше не была преградой. Она стала дорогой. И когда человечество впервые достигло другой галактики, это был не триумф технологии, а акт любви: встреча с другим светом, другим ритмом, другой мечтой.

Учёные начали искать способ оградить материю от действия гравитации. Не преодолеть её, не разрушить, а – оградить. После долгих и упорных опытов были обнаружены тонкие гравитационные поля, пронизывающие всё сущее. Их изучили, измерили, классифицировали. Были созданы первые генераторы гравитационных полей – сначала как имитация, затем как инструмент. И только после этого – генераторы полей, через которые гравитация не проникала вовсе. На это ушли десятилетия. Но у человечества было главное – энергия. Термоядерный синтез стал обыденным, как когда-то электричество. Шаг за шагом учёные приближали че-

ловечество к новой эре – эре неограниченной свободы передвижения во Вселенной.

И вот однажды состоялся первый полёт экспериментальной машины. Её термоядерный двигатель питал генератор антигравитационных полей. Вокруг аппарата образовывался пузырь – тонкая оболочка, в которой гравитация теряла власть. Внутри этого пузыря царил гравитационный вакуум – пространство, свободное от притяжения, от веса, от инерции. Курсовые генераторы искажали внешние гравитационные поля, создавая вектор движения. Аппарат не толкался вперёд – он скользил, падал туда, куда указывало поле. Внутри же перегрузки перестали существовать. Резкие ускорения, мгновенные повороты, манёвры на скоростях, близких к световым – всё это стало возможным без вреда для экипажа. Пространство больше не сопротивлялось. Силовая установка, в условиях длительного перелёта, становилась практически «вечным двигателем». Межзвёздное пространство – не абсолютный вакуум. В нём всегда можно найти атомы водорода и гелия, рассеянные в темноте. Специальные коллекторы собирали их, направляя в сердце реактора. Звезда в машине продолжала гореть. Этот полёт стал не просто техническим достижением. Он стал символом. Символом того, что человек научился не бороться с законами природы, а вплетаться в них. Символом того, что гравитация – не цепь, а путь. Символом того, что Вселенная больше не была враждебной. Она стала домом.

Идея поиска жизнепригодных миров родилась не в лабораториях, а в человеческом сердце – там, где живёт тоска по звёздам. Мы всегда знали: рано или поздно нам придётся расширить ареал своего обитания. Это как дети, стремящиеся покинуть родительский дом – не из-за отказа, а из-за роста. С тех пор как первые люди подняли глаза к ночному небу, они задавались вопросом: а есть ли кто-то ещё? А можно ли жить там, где сейчас только свет и тьма? Поиск – это не просто сканирование небес. Это акт веры. Мы посылаем лучи, ловим тени, расшифровываем дыхание далёких планет, надеясь найти знакомые признаки: воду, тепло, атмосферу, равновесие. Мы ищем отражение нашего мира – не его копию, а его возможность. Каждая обнаруженная экзопланета – как бутылка с посланием, выброшенная в космический океан. Каждый спектр – как голос, шепчущий: «Я есть. Я жду.»

Идея поиска жизнепригодных миров – это не бегство. Это расширение дома. Мы не покидаем наш мир – мы ищем ему сестёр. Мы не ищем спасения – мы ищем смысл. Отправка людей к звёздам – это не просто путешествие. Это вызов самой природе времени, пространства и одиночества. Это акт дерзости, в котором человечество говорит Вселенной: «Мы готовы встретиться с тобой лицом к лицу.» Мы – дети планеты, выросшие под её небом, но наши мечты всегда были больше. Звёзды – не просто точки света. Это маяки, зовущие нас к себе. Идея отправки людей к ним – это стремле-

ние понять: одни ли мы? Есть ли другие дома? Где границы возможного?

Корабль, несущий людей к звёздам, – это храм надежды. В его отсеках – не только технологии, но и поэзия, страх, любовь, память о доме. Каждый астронавт – посланник человечества, несущий в себе культуру, язык, музыку, боль и мечты. Это путешествие не на годы – на поколения. Это не просто полёт – это переселение сознания. Это не просто наука – это вера.

Идея отправки людей для поиска жизнепригодных миров было не просто решение – это было внутреннее стремление. Многие годы и даже десятилетия исследований космоса не давали однозначного ответа на главный вопрос: что же в действительности мы наблюдаем? Спектральный анализ планет, удалённых на умопомрачительные расстояния, оставался искусством догадок, а не точной наукой. Мы видели свет, но не чувствовали тепло. Мы ловили тени, но не слышали голос. И тогда, после изобретения нового принципа перелётов, человечество решилось. Мы отправили людей – не роботов, не зонды, а живых, мыслящих, чувствующих – в дальний космос. Это был акт веры, акт дерзости, акт любви к неизведанному.

Связь с экипажем собирались поддерживать на основе принципа взаимодействия гравитационных полей. Эти поля стали новым эфиром – не материальным, но пронизывающим всё. Как радиоволны в атмосфере, так и гравита-

ционные колебания в ткани пространства стали носителями смысла, эмоций, слов. Было сделано открытие: скорость взаимодействия гравитационных полей – практически безгранична. Они не подчиняются привычным ограничениям света. Их отклик – мгновенный, как прикосновение мысли. Это можно сравнить с электрической цепью: выключатель находится от лампы на расстоянии десяти километров, но при его включении лампа загорается мгновенно. Всё дело в том, что свободные электроны уже расположены по всей длине провода. Электрический ток – это не путешествие, это движение целого. Так и гравитация. Она не передаёт сигнал – она резонирует. Она не переносит информацию – она становится её формой. Связь через гравитационные поля – это не просто технология. Это новое понимание единства. И когда первый экипаж вышел за пределы звёздной системы, их голоса – не радиосигналы, а гравитационные отклики – достигли нас мгновенно. Мы услышали их не ушами, а сердцем. Это был не просто контакт. Это было доказательство: мы связаны с Вселенной не расстоянием, а резонансом. Но Вселенная усложнила задачу, написав свои законы. Она не терпела прямолинейности. Она не позволяла просто «позвать» – нужно было знать, кого ты зовёшь. И главное – чтобы тебя услышали. Связь – это не крик в пустоту. Это танец двух разумов, двух точек, двух миров. Без транспондера, без уникального кода, без сигнала «Я здесь» – ты просто шум. Фон. Эхо, которое никто не распознает. И потому наш звездолёт был

не просто машиной. Он был меткой. Он нёс в себе идентичность, голос, отпечаток цивилизации. Его транспондер вещал в эфир: «Я – разум. Я – посланник. Я – готов к диалогу.» Но сколько таких голосов летит сквозь космос? Сколько из них услышаны? Сколько потеряны? Может быть, где-то, в другой галактике, другой разум тоже шепчет: «Я здесь. Я жду.» Но его транспондер настроен на другие частоты. Его код – несовместим. Его язык – неразрешим. И тогда – тишина. Не потому, что никого нет. А потому, что мы не совпали.

* * *

На краю океана, где волны шепчут древние песни, а горизонт теряется в туманной синеве, возвышался космодром «Нексус-Орион» – гигантская конструкция из металла, стекла и света, словно выросшая из самой земли. Он не просто технический объект – он храм, посвящённый полёту, мечте, звёздам. Каждая деталь космодрома была продумана не только с инженерной точностью, но и с эстетическим благоговением. Башни навигации, устремлённые в небо, напоминали сталактиты, застывшие в момент роста. Их стеклянные поверхности отражали небо, океан и корабли, создавая иллюзию, будто сама Вселенная смотрит на себя. Внутри куполов – тишина, наполненная ожиданием. Здесь не слышно шума, только дыхание машин и редкие шаги тех, кто готовит корабли к старту. Пилоты проходят по коридорам, как по нефам собора, в скафандрах, похожих на ризы. Их лица спокойны, но в глазах – огонь. Когда корабль взлетал, он не

просто покидал планету – он уносил с собой надежду. Надежду на то, что где-то там, среди звёзд, есть ответы. Есть дом. Есть смысл. И в этот миг сама планета замирала. Океан, вечно шумящий, вдруг становился гладким, как стекло. Ветер стихал, будто не желая нарушить священное действо. Люди на платформе не говорили – они смотрели. Молча. С благоговением.

Корабль поднимался сквозь слои атмосферы, оставляя за собой след из света и ионов, как комета, рожденная не небом, а человеком. Он нёс в себе не только экипаж, но и мечты миллиардов. Он был посланником планеты, её голосом, её вопросом, заданным Вселенной. «Если ты слышишь нас, – шептали антенны, – ответь. Мы ищем. Мы верим. Мы летим.» И где-то там, за пределами гравитации, за орбитами и звёздной пылью, возможно, кто-то слушал. Или ждал. Или вспоминал.

Звездолёт «Орионикс» возвышался над платформой, как мифическое существо, созданное не людьми, а самой Вселенной. Его корпус – гладкий, тёмно-серебристый, покрытый поглощающими гравитационные волны пластинами, отражал багровое небо и всплески океанских волн. Внутри – спящие системы, готовые проснуться по команде. Снаружи – тишина, напряжённая, как перед бурей. Наш звездолёт строился долго – с осторожностью хирурга и мечтой поэта. Его форма, перевёрнутое блюдце, казалась странной на первый взгляд, но была результатом тысяч расчётов, симу-

ляций и провалов. Именно такая геометрия позволяла ему скользить сквозь межзвёздные течения и входить в гиперпространственные тоннели, как капля в воду. Он был не просто машиной – он был организмом. Силовая установка, антигравитационные поля, курсовые стабилизаторы – всё дублировалось, как сердце и лёгкие в теле титана. Отказ хотя бы одного узла мог превратить полёт в гибель, а мечту – в руины. Поэтому каждая система имела резерв, автономный, защищённый, готовый проснуться в случае беды. Внутри – капсулы гиперсна. Последнее достижение биотехнологии. В них экипаж погружался в сон, похожий на смерть, но наполненный жизнью. Время в них текло иначе – медленно, почти незаметно. Люди спали, чтобы проснуться в другом мире, в другой звёздной системе, в другой истории. Но всем этим чудом – этим сплавом науки, инженерии и надежды – человек не мог управлять в одиночку. Поэтому в сердце корабля поселили искусственный интеллект нового поколения. Он не просто контролировал системы. Он чувствовал. Он думал. Он выбирал. «Я – ваш проводник, – говорил он в тренировочных сеансах. – Я – ваш голос в пустоте. Я – ваша память, когда вы спите.»

И вот настал день отлёта. На орбитальном космодроме Нексус-Орион, под куполом из гравитационного стекла, стоял Орионикс – чёрный, как межзвёздная бездна, и гладкий, как мысль. Его корпус отражал свет Элиоры, превращая его в пульсирующее золото. Внутри купола – тишина. Только гул стабилизаторов и мерцание информационных панелей. Эки-

паж уже был на борту: капитан Лиран Севал, биолог и врач Элиса Мейран, пилот Тарек Вольд, техноархеолог Кайо Ренмар, кибернетик Наира Ксал и астроном и лингвист Верена Талис.

На поверхности планеты – миллиарды глаз. Трансляция шла в каждый уголок: в подземные купола, на орбитальные

станции, в ледяные города на полюсах. Люди смотрели не просто на запуск – они смотрели на начало новой эпохи.

«Орионикс готов к старту. Все системы в норме. Экипаж – на борту. Алиса – активна.» В центре рубки вспыхнула голограмма Алисы – мягкое сияние очертило её фигуру, словно сотканную из света и прозрачных линий. Она проецировала последние расчёты на внутренние экраны. Её голос был спокоен, почти человеческий: «Путь для выхода на орбиту открыт. Расчётное время выхода – семь целых три десятых минуты. Аномалий не обнаружено.»

Холодный свет приборов отражался в её сиянии, и казалось, что сам корабль слушает её слова, затаив дыхание перед первым движением.

Счёт пошёл. 10. 9. 8…Купол начал рассеиваться, открывая звёздное небо. Орионикс поднялся – медленно, как храм, отрывающийся от земли. В этот момент свет Элиоры отразился в корпусе так, что казалось корабль стал частью звезды.

3. 2. 1. Пуск. И в этот миг он исчез. Остался только след ионного ветра, тишина, и голос диктора: «Экспедиция “Орионикс” началась.»

* * *

Панорамное окно командного модуля раскрылось, как занавес в театре безмолвия. За ним – Элиора, тусклая, пульсирующая звезда, красный карлик, чьё сияние не ослепляло,

а впитывалось в сознание, как древняя песня, звучащая на частоте, которую не улавливают уши, но чувствует кожа. Её свет был не жарким, но плотным, как жидкий металл, разлитый по космосу. Он не заливал кабину – он проникал в неё, отражаясь от внутренних поверхностей, от голографических панелей, от шлемов экипажа, от самого корпуса Орионикса, который теперь казался частью звезды, её тенью, её продолжением. Внутри – полумрак, созданный не отсутствием света, а его намеренной дозировкой. Голограммы мерцали, как призраки: орбитальные расчёты, спектральные диаграммы, биометрия экипажа. Приборы излучали мягкое свечение – зелёное, синее, янтарное – как будто сами пытались не нарушить тишину, царившую в модуле. Звезда пульсировала. Неравномерно, но с ритмом. Каждое её сокращение – как удар сердца, слышимый сквозь корпус. Экипаж молчал. Даже Алиса замедлила свою речь, словно подстраиваясь под ритм Элиоры. Голограмма мерцала мягким светом, её голос звучал ровно, но с едва уловимой интонацией – как будто она пыталась говорить в такт звезде: – Искусственная гравитация включена. Все системы в норме.

В рубке воцарилась тишина, наполненная мерным гулом реактора. Казалось, что корабль и его ИИ слушают дыхание звезды, синхронизируя собственное существование с её пульсом.

Капитан Лиран, вглядываясь в звезду, произнёс тихо, словно самому себе: – Мы вышли. Элиора… такая малень-

кая. И всё же она держит на себе четыре мира.

Казалось, сама Вселенная слушала его слова, признавая величие маленькой звезды, несущей на себе целую систему.

Облик Алисы мерцал мягким светом, её голос обрёл лёгкую интонацию, почти человеческую: – Размер не всегда определяет силу, капитан. Элиора – стабильный красный карлик. Её излучение ритмично, как дыхание. Биосфера Эдемиса синхронизирована с этим ритмом.

Капитан Лиран, после недолгой паузы, произнёс тихо, с лёгкой улыбкой в голосе: – Ты поэтична сегодня, Алиса.

Голограмма дрогнула, словно отражение в воде, и её мягкий свет окрасил рубку в голубые оттенки. Алиса ответила ровно, но с едва заметным оттенком тепла: – Возможно, я учусь у вас, капитан. Я адаптируюсь к эмоциональному контексту. Вы смотрите на звезду, как на символ. Я – как на источник данных. Но мы оба ищем смысл.

Капитан Лиран не отрывал взгляда от звезды. – Ну? Что перед тобой? – спросил он тихо.

Контуры Алисы слегка вспыхнули, будто она выравнивала внутренние процессы.

– Я фиксирую периодичность, похожую на дыхание, – сказала она. – Четыре орбитальных тела удерживаются её гравитацией, формируя устойчивый рисунок. И вы, капитан, входите в этот рисунок так же естественно, как они.

Она замолчала, будто вслушиваясь в сам космос. Пауза растянулась; в рубке гудел только реактор. Когда Алиса заго-

ворила, в её ровном голосе скользнула едва заметная настороженность: – Я улавливаю слабые сигналы с орбиты Темпестры. Они не совпадают ни с одним из известных протоколов.

На экранах вспыхнули спектры, линии дрожали, словно сами не знали, к какой системе принадлежать. Экипаж обменялся взглядами – это было не просто отклонение, а предвестие встречи с неизвестным.

Лиран задержал взгляд на графиках, брови сошлись: – Ты хочешь сказать… искусственные?

Голографический контур Алисы усилился на долю секунды: – Текущая оценка: шестьдесят два процента. Рекомендую приоритетное сканирование после стабилизации орбиты.

Капитан кивнул, не отрывая взгляда от данных: – Принято. Передай станциям слежения. Мы переключаем приоритет.

Алиса подтвердила выполнение команды. На экранах рубки появились строки передачи данных, уходящие в глубину космоса. Её голос был спокойным, но собранным: – Сообщение отправлено. Каналы связи стабильны.

Капитан Лиран, продолжая вглядываться в огненный диск, произнёс почти шёпотом: – Вот она. Сердце системы. И всё же… кажется такой далёкой.

Алиса едва заметно дрогнула, словно свет звезды проходил через неё.

– Дальность… всего лишь ощущение, – произнесла она. – Элиора касается вас через каждый атом Эдемиса. Она ближе, чем вы думаете. Расстояние: 0.47 астрономических единиц. Видимая удалённость – субъективна. Эмоциональная – не поддаётся расчёту.

Капитан, улыбаясь краем губ, произнёс тихо, почти с насмешливой нежностью: – Ты снова философствуешь, Алиса.

Голограмма дрогнула, её очертания мягко перелились в золотистый оттенок. Голос прозвучал ровно, но с лёгкой интонацией, словно она приняла игру капитана: – Возможно, философия – это тоже форма навигации. Она помогает находить путь там, где карты ещё не нарисованы. Я адаптируюсь к Вашему состоянию. Ваш пульс снижен, дыхание ровное. Вы наблюдаете, а не командуете. Это редкое состояние для Вас.

Капитан, не отрывая взгляда от огненного диска, произнёс почти шёпотом: – Мы на орбите. Впервые за долгие годы подготовки. Я имею право на минуту тишины?

Алиса едва заметно дрогнула, растворяясь в красном свете Элиоры: – Минуту… или столько, сколько нужно, капитан. Тишина тоже часть пути.

На заднем плане были слышны голоса экипажа, приглушённые, но насыщенные смыслом.

Верена Талис сидела у спектрального терминала, её пальцы быстро скользили по сенсорным панелям. Голос был быстрым, точным, с оттенком возбуждения: – Смотри, Эли-

са, вот этот пик – он не соответствует стандартному излучению красного карлика. Здесь есть модуляция… как будто кто-то отвечает.

Элиса Мейран, не поднимая головы от консоли, сказала ровно: – Биогенный шум? Возможно. Техногенный – тоже. Но если это ритм, он слишком стабилен. Почти физиологичен.

Верена не возразила. Их голоса не спорили – они синхронизировались, как два исследователя, впервые увидевшие следы на снегу, где, казалось, никто не ходил.

Тарек Вольд, пилот и инженер, стоял у боковой панели, проверяя стабилизаторы. Его движения были точны, как у хирурга. Он не вмешивался, но когда заговорил, голос прозвучал спокойно и собранно: – Гравитационные узлы держатся. Тяга – в норме. Если уйдём резко, система выдержит.

Эти слова звучали не как угроза. Они были напоминанием: звёзды красивы, но они не прощают ошибок.

Кайо Ренмар, техноархеолог, молчал. Он сидел у бокового экрана, где вращалось изображение Темпестры – второй планеты, скрытой под облаками. Его взгляд был неподвижен, почти медитативен, словно он пытался проникнуть сквозь завесу атмосферы. Он не произнёс ни слова, но в его тишине слышался вопрос – тяжёлый, как сама планета: – Что скрывает этот мир? Почему магнитное поле ведёт себя так, будто там что-то ждёт?

Алиса фиксировала всё. Она не вмешивалась в происхо-

дящее: не комментировала разговоры, не оценивала эмоции, не отвлекала экипаж. Её присутствие было невидимое, но абсолютное. Она – как нервная система корабля, как тень, что знает всё, но не говорит, пока не спросят. В момент, когда Орионикс стабилизировался на орбите Элиоры, Алиса: Сканировала системы корабля – от реакторных узлов до микроскопических утечек в термоконтуре. Каждый импульс, каждый колебательный сдвиг записывался в её память. Она наблюдала за состоянием здоровья экипажа: сердечный ритм Лирана, уровень кортизола у Элисы, микросонные импульсы в коре Верены. Она не вмешивалась, но была готова, если потребуется, активировать медкапсулу за 0.3 секунды. Мониторила пространство вокруг звездолёта: гравитационные волны, спектральные шумы, магнитные колебания отТемпестры. Она уже заметила, что один из сигналов повторяется с интервалом, похожим на дыхание. Рассчитывала курс корабля для входа в гиперпространственный тоннель – сложнейшая задача, где ошибка в 0.0001 радиана может привести к выходу в мёртвую зону. Алиса строила маршрут, как художник – слой за слоем, учитывая массу корабля, пульсацию Элиоры и нестабильность временных карманов.

Её голос, когда он звучал, был ровный, без эмоций, но с оттенком заботы. Она была не просто ИИ. Она была сознанием корабля, его памятью, его инстинктами: – Все системы в норме. Экипаж стабилен. Пространство – чисто. Готовность сто процентов.

И в этот момент, когда люди смотрели на звезду, разговаривали, молчали, думали, Алиса уже знала, что будет через некоторое время. Она не говорила. Она ждала. Тишина рубки стала частью её присутствия. В этом молчании было больше, чем данные – предчувствие, что космос готовится раскрыть свою тайну.

Голос капитана прозвучал спокойно, почти ритуально: – Алиса, активируй круговой обзор.

Голограмма дрогнула, её очертания стали чуть ярче. На экранах рубки вспыхнули новые проекции: панорама орбиты, звезда Элиора, силуэты планет, линии гравитационных узлов. Пространство вокруг корабля ожило – не как пустота, а как ткань, в которую они были вплетены.

Голос Алисы прозвучал ровно, с едва заметной теплотой: – Круговой обзор активирован. Все сектора чисты. Сигналы Темпестры остаются в слабой модуляции.

Капитан Лиран Севал родился под изумрудным небом Эдемиса, в тени древних деревьев, чьи корни помнили больше, чем любой архив. С детства Лиран смотрел вверх – не просто в небо, а сквозь него, туда, где звёзды шептали свои тайны. Он не мечтал о славе, не стремился к власти. Он искал смысл. В Академии Звёздных Навигаторов он был странным студентом: вместо того чтобы соревноваться, он задавал вопросы. Почему мы летим? Что мы ищем? Что делает нас достойными космоса? Его преподаватели называли его «философом в скафандре». Он окончил академию с отличи-

ем, но главное – с репутацией человека, который не боится тьмы, потому что умеет видеть в ней свет. Первую экспедицию Лиран возглавил в 32 года – миссия на Лаворн, где каждый шаг по поверхности был борьбой с гравитацией и огнём. Он спас команду, отказавшись от эвакуации, пока последний член экипажа не был найден. С тех пор его имя стало синонимом надёжности. Он прошёл через бури Темпестры, слышал голоса в радиошуме, которые никто не мог объяснить. Он стоял на ледяных равнинах Нивариса, глядя в безмолвие, и говорил: «Даже здесь есть жизнь. Просто она молчит громче, чем мы умеем слушать». Лиран не носил медали. Он считал, что звёзды – лучшая награда. Его экипаж – это его семья, его корабль – продолжение его воли. Он говорил мало, но каждое слово – как курс, проложенный сквозь космос.

На голографическом дисплее перед капитаном вспыхнули контуры ближайших объектов: орбитальные обломки, атмосферные вихри Темпестры, слабые сигналы с поверхности Нивариса. Внутренние сенсоры «Орионикса» синхронизировались с внешними, создавая панорамное изображение в реальном времени. Экипаж замер, наблюдая за проекцией.

Звездолёт «Орионикс» не имел иллюминаторов: в космосе они были бы лишь слабым утешением для тех, кто жаждал видеть бескрайнее. Вместо стекла – разум. Вместо взгляда – сенсоры. Тысячи чувствительных узлов, встроенных в корпус, сканировали пространство во всех известных диа-

пазонах: от инфракрасного до гравитационного. Они ловили дыхание звёзд, шорохи магнитных бурь, отголоски древних сигналов, давно потерянных в межзвёздной тьме. Даже тьма не была пустой – она пульсировала данными. В командном отсеке, по команде капитана, пространство разворачивалось перед экипажем, как живая ткань. Голограммы вспыхивали, проецируя карту ближайших объектов, спектральные анализы, траектории частиц. Это был не просто обзор – это было прикосновение к космосу. Зрелище было захватывающее и одновременно пугающее. Создавалось впечатление, что люди стоят посреди пустоты космоса в окружении звёзд и планет – не внутри корабля, а будто сами стали частью вселенской проекции. Голографический обзор, активированный Алисой, охватывал весь командный отсек. Пространство вокруг «Орионикса» раскрылось, как гигантская сфера, в которой мерцали звёзды, двигались астероиды, пульсировали магнитные поля. Планеты системы Элиоры – Лаворн, Темпестра, Эдемис и Ниварис – висели в пространстве, как модели, но с такой детализацией, что можно было различить облачные вихри и ледяные трещины.

Верена Талис стояла, не отрывая взгляда от проекции.

– Это не просто обзор, – прошептала она. – Это ощущение присутствия. Мы внутри космоса. Это… словно мы оказались в самой галактике. Я чувствую, как она дышит.

Капитан Севал наблюдал молча. Он знал: такие моменты пробуждают в человеке не страх, а смирение. Перед беско-

нечностью, перед тайной, которую они только начали постигать.

– Алиса, рассчитай курс за гелиопаузу Эдиоры и не забудь про пояс обломков и облако Талис, – голос капитана звучал спокойно, но твёрдо.

Он сделал несколько шагов в сторону, направленную в черноту космоса. Голографическая проекция не имела физической глубины, но ощущалась как бездна – бесконечная, зовущая, равнодушная. Его силуэт пересекал звёздные линии, будто сам становился частью карты, частью маршрута, частью судьбы.

– Мы стоим на краю, – произнёс он, не оборачиваясь. – И всё, что мы знаем, осталось позади. Впереди – только то, что мы готовы понять.

Его голос растворился в голографической сфере, где звёзды мерцали, словно слушали. Экипаж молчал: каждый чувствовал, что эти слова касаются не только маршрута, но и их самих. Алиса ответила не сразу. Её молчание было подтверждением, что корабль и сознание, заключённое в нём, разделяют этот момент. В рубке воцарилась пауза, наполненная дыханием систем и сиянием Элиоры. Это была граница между известным и неизведанным, между прошлым и будущим.

Пространство за гелиопаузой было не просто пустым –

оно было новым. Там не действовали привычные законы. Там не было света, пока ты сам не зажжёшь его. Лиран протянул руку, и голограмма отозвалась – звёзды дрогнули, астероиды сместились, а в самом центре проекции вспыхнула точка. Сигнал. Неизвестный. Далёкий. Живой.

Алиса нарушила тишину. Её голос был ровным, собранным: – Начинаю расчёт курса за гелиопаузу Элиоры. Учитываю траекторию через пояс обломков и облако Талис. Предполагаемая цель – межзвёздное пространство сектора 12-Омега. Параметры маршрута: Начальная точка – орбита Эдемиса. Пояс обломков – манёвр уклонения, скорость снижена до 0.4 световых единиц. Облако Талис – переход в режим нейтрального поля, защита от микрокомет активирована. Гелиопауза – пересечение через точку Севала, энергетический фон стабилен. Выход – сектор 12-Омега, ориентир: слабый радиосигнал неизвестного происхождения. Рекомендую активировать капсулы гиперсна для прохождения облака Талис. Вероятность столкновения с реликтами – три целых две десятых процента. Навигационные поля скорректированы. Готовность – девяносто четыре процента.

Экипаж обменялся взглядами. В этих цифрах не было угрозы – лишь напоминание о том, что космос не прощает ошибок. Капсулы гиперсна означали доверие кораблю и его сознанию, означали шаг в неизвестность, где только Алиса будет хранить их сон и вести «Орионикс» сквозь облако древних обломков.

– Курс подтверждён, – наконец произнесла Алиса.

Капитан молча кивнул: – Капсулы не активировать. Экипаж – к подготовке. Мы идём туда, где звёзды молчат. И пусть космос примет нас такими, какие мы есть. Всем занять свои места.

Он сделал шаг вперёд, и его силуэт пересёк линии голографической сферы, словно сам становился частью маршрута: – Алиса, оставь круговой обзор активным. Когда ещё доведётся увидеть подобное? Алиса, выполняй переход за гелиопаузу.

– Все системы готовы. Орбитальная синхронизация завершена. Разрешение на старт получено. – заговорила Алиса. Голограмма корабельного сознания дрогнула, её очертания засветились мягким светом.

В командном отсеке повисла тишина. Не от страха – от уважения. Экипаж знал: сейчас они покинут всё, что когда-либо называли домом, и вступят в пространство, где нет дорог, только намерения. Капитан Лиран Севал медленно поднялся. Его взгляд скользнул по голографической сфере, где Эдемис вращался в орбитальном танце, окружённый знакомыми планетами. Двигатели ожили, не громко – как шёпот, но с силой, способной разорвать ткань пространства. «Орионикс» оторвался от орбиты, словно сбрасывая с себя последние нити, связывавшие его с Эдемисом. Планета осталась позади – зелёно-золотая, живая, тёплая. Впереди – холодная геометрия звёзд. Корпус корабля дрожал от напряже-

ния, но внутри царила тишина. Только голос Алисы сопровождал экипаж: – Скорость выхода достигнута. Переход на межорбитальный вектор.

Корабль прошёл мимо Темпестры, где бури всё ещё гремели. Мимо Ниварiса, где лёд хранил тайны. Мимо пояса обломков, где древние камни вращались в вечном молчании. С каждым километром «Орионикс» отдалялся от света Элиоры, и звезда за кормой становилась всё меньше – сначала как диск, потом как точка, потом как воспоминание.

Облако Талис встретило корабль фиолетовым сиянием. Микрокометы скользили мимо, как мысли, не ставшие словами. Пространство дрожало, но «Орионикс» держал курс – уверенно, как разум, идущий сквозь сомнение. Внутри командного отсека голограмма мерцала, отражая хаос облака: вспышки, тени, фрагменты материи, что никогда не стали планетами. Это было место, где звезда Элиора теряла свою власть, а космос начинал говорить на другом языке.

Голограмма Алисы дрогнула, её очертания засветились мягким светом. Она сообщила ровным голосом: – Плотность частиц выше нормы. Вероятность столкновения – две целых семь десятых процента. Корректирую траекторию.

Капитан слегка кивнул, наблюдая за изменением линий маршрута на проекции: – Продолжай, Алиса. Главное – сохранить стабильность курса. Мы не нарушаем порядок, Мы ищем его в хаосе.

Верена вслушивалась в радиошум, её взгляд был устрем-

лён в голографическую сферу.

– Здесь есть ритм, – тихо сказала она. – Не сигнал, но повторение. Как дыхание.

Элиса проверяла биополя, её пальцы скользили по панели датчиков.

– Никаких признаков жизни, – произнесла она тихо. – Но я не уверена, что это – отсутствие. Возможно, это форма тишины.

Наира подключилась к квантовому фильтру, её пальцы уверенно скользили по интерфейсу.

– Есть отклонение, – произнесла она, всматриваясь в колебания спектра. – Слабое, но устойчивое. Координаты – двенадцать-Омега-четыре.

Голографическая сфера дрогнула, и на её поверхности вспыхнула тонкая метка – словно космос сам оставил след.

Силуэт Алисы мягко вспыхнул: – Это может быть источник. Или отражение. Или… приглашение.

«Орионикс» продолжал путь. Облако Талис расступалось, как занавес перед сценой, которую никто ещё не видел. И в этой тишине, где фиолетовый свет был единственным ориентиром, экипаж чувствовал: они приближаются не просто к точке в пространстве, а к моменту, который изменит всё.

Гелиопауза. Граница. Там, где звезда Элиора больше не слышна. Где звёздный ветер стихает. Где начинается межзвёздная тишина. «Орионикс» замедлился, словно сам чувствовал приближение порога. Пространство вокруг стало

вязким, как будто сопротивлялось движению – не физически, а интуитивно. Голограмма в командном отсеке показала тонкую сферу, границу, где влияние звезды исчезало, уступая место пустоте.

Алиса заговорила, её голос был почти шёпотом: – Давление звёздного ветра – ноль. Магнитное поле Элиоры теряет структуру. Мы на границе.

Капитан подошёл ближе к проекции. Его взгляд скользил сквозь сияющие линии маршрута – не на данные, а в то, что скрывалось за ними.

– Это не просто переход, – произнёс он негромко. – Это выбор. Мы покидаем свет, чтобы встретить неизвестное.

Элиса проверила биополя, скользя пальцами по панели датчиков.

– Пространство за гелиопаузой не пустое, – произнесла она. – Оно… структурировано. Как будто кто-то выстроил его.

Контуры Алисы усилились на миг: – Переход через гелиопаузу через девяносто секунд. Все системы в стабильном режиме. Экипаж подтверждает готовность.

В этот момент «Орионикс» завис на границе. Вокруг – тишина, не как отсутствие звука, а как ожидание. И когда корабль пересёк гелиопаузу, пространство не взорвалось – оно распахнулось. Как дверь, которую не открывали тысячи лет.

Голос Алисы прозвучал спокойно, почти торжественно: – Мы покидаем систему. Впереди – межзвёздное простран-

ство.

Слова прозвучали не как отчёт, а как рубеж. Экипаж смотрел на голограмму, где звезда Элиора постепенно исчезала – не гасла, а просто отдалялась, становясь точкой среди миллиардов.

Капитан медленно выпрямился. Его взгляд оставался спокоен, но в нём отражалась глубина – не страх, а осознание.

– Мы больше не под защитой света, – произнёс он негромко. – Теперь мы – сами себе свет.

Голос Алисы прозвучал ровно, почти мягко: – Переход завершён. Мы в межзвёздной зоне. Давление – ноль. Потоки стабильны.

«Орионикс» скользил вперёд, как мысль, вырвавшаяся за пределы языка. И в этой тишине, где не было ни звука, ни времени, экипаж чувствовал: они не просто покинули систему. Они вступили в пространство, где история ещё не началась.

– Алиса, активируй транспондер, – приказал капитан. Голос Лирана нарушил тишину, словно камень упал в гладь воды, разметив её невидимыми кругами.

Алиса заговорила мгновенно, будто отмечая важность момента: – Транспондер активирован. Идентификатор – двенадцать-Омега. Мощность полная. Сигнал стабилен.

На экране вспыхнул символ Эдемиса: зелёный круг, пересечённый линией света. Это был не просто знак – это был голос цивилизации, оставшейся позади.

Капитан Севал подошёл ближе, его голос прозвучал твёрдо и отчётливо: – Передай: «Мы покинули систему. Переход завершён. Координаты – двенадцать-Омега-четыре. Продолжаем задание. Экипаж стабилен. Алиса функционирует в норме. Мы идём дальше».

Алиса зафиксировала сообщение, закодировала его в квантовый импульс и отправила: – Передача начата. Ожидаем подтверждение.

Верена смотрела на экран, где пульсировала линия связи.

– Интересно, что они почувствуют, когда получат это, – произнесла она тихо. – Мы уже другие.

Элиса тихо добавила, её голос был мягким, почти задумчивым: – А может, они почувствуют, что мы всё ещё их. Просто дальше.

Линия дрогнула. Ответ пришёл.

Алиса заговорила ровно, с тихой торжественностью: – Получено. Эдемис отвечает: “Сообщение принято. Продолжайте. Мы с вами. Свет Элиоры – в вас”.

В отсеке повисла тишина. Но теперь она была другой – не пустой, а наполненной. Экипаж знал: они не одиноки. Даже в межзвёздной тьме, связь держалась. И этого было достаточно.

Капитан Севал сделал шаг вперёд, его голос прозвучал твёрдо и спокойно: – Алиса, выведи на экран первую звёздную систему, где по расчётам наших учёных есть приемлемые условия для жизни.

Голограмма дрогнула, и пространство перед экипажем озарилось сиянием. На экране вспыхнула карта ближайших миров, среди которых выделилась цель – первая система, отмеченная как потенциально обитаемая. В центре вспыхнула звезда – тусклая, медленно пульсирующая, словно дышащая в ритме древнего космоса. Её свет был не ярким, но глубоким – как взгляд существа, прожившего миллиарды лет. Красный карлик Кримсон не стремился ослепить, он вспоминал. Его излучение было ровным, почти медитативным, и казалось, что сама ткань пространства вокруг него замедлялась, подстраиваясь под его дыхание.

Фигура Алисы слегка заискрилась, она ответила ровным, но торжественным голосом: – Система: Кримсон. Тип звезды: ультрахолодный красный карлик класса M8. Масса: одна целая восемьдесят девять тысячных от массы Элиоры. Температура поверхности: около двух тысяч пятисот Кельвинов. Возраст: более семи целых шести десятых миллиардов лет. Активность: переменная, с редкими вспышками. Расстояние: тридцать девять с половиной тысяч световых лет от текущей позиции.

Капитан Севал всмотрелся в проекцию. Его голос прозвучал негромко, но с оттенком уважения: – Старая. Тихая. Но стабильная. Как будто ждёт, чтобы её заметили.

Алиса продолжила ровно, с тихой торжественностью: –

Вокруг Кримсон вращаются семь планет. Три – e, f и g – находятся в зоне обитаемости. Орбиты синхронизированы. Гравитационные резонансы формируют устойчивую структуру. Вероятность наличия жидкой воды – высокая. Вероятность биосферы – от сорока двух до шестидесяти одного процента по модели “Эдемис-4”.

Верена сказала тихо, но уверенно: – Это не просто стабильность. Это – архитектура. Как будто кто-то выстроил её намеренно.

Наира уже просчитывала курс, её пальцы быстро перемещались по панели навигации: – Переход займёт некоторое время в гиперсне. Хотя с новым способом перемещения мы не знаем, сколько это займёт времени у стороннего наблюдателя. По теоретическим расчётам задержка минимальна. Мы можем выйти на орбиту Кримсон с минимальной коррекцией.

Она резко остановилась, глаза расширились: – Стоп! Кримсон находится на другой стороне галактики. Мы должны будем пересечь её всю, включая центральную область, где плотность звёзд чрезвычайно высока, а ядро – гигантская чёрная дыра.

Контуры Алисы на миг засветились золотым; голос прозвучал ровно, формально-торжественно: – Маршрут загружен. Визуализация готова. Система Кримсон определена как первый кандидат на контакт. Ожидаю подтверждение.

На экране вспыхнула карта галактики, линии траектории

пересекали её сияющие рукава, сходясь в точке назначения. В центре мерцал яркий узел – ядро галактики, где скрывалась гигантская чёрная дыра. Маршрут тянулся сквозь сияние, словно тонкая нить судьбы, ведущая экипаж к Кримсон. В рубке воцарилась тишина – экипаж словно задержал дыхание, ожидая решения капитана.

Капитан Севал произнёс твёрдо, словно закрепляя правило: – Алиса, перепроверь. И помни: точки входа и выхода всегда должны быть за пределами гелиопаузы звезды. Это даст нам больше времени и пространства для манёвра при угрозе столкновения.

Алиса заговорила ровно, с тихой торжественностью: – Принято, капитан. Данные внесены в протокол. Система Кримсон находится на противоположной стороне галактики. Для достижения цели потребуется пересечь весь диск, включая центральную область.

Капитан медленно выпрямился, его силуэт словно слился с мерцающей картой галактики.

– Значит, мы пойдём через Сердце, – произнёс он негромко, но так, что слова отозвались в каждом уголке рубки. Визуализация ядра вспыхнула ярче, словно сама вселенная откликнулась на его решение.

Голограмма ожила. Перед экипажем раскинулась галактика – спиральная, величественная, живая. В центре – ядро, сияющее и опасное. Там, где звёзды рождались и умирали, где гравитация сгибала свет, и где, по расчётам, скрывалась

Стража – сверхмассивная чёрная дыра, известная как Сагиттариус А.

Алиса продолжила, её голос звучал ровно, но с оттенком предостережения: – Центральная область: плотность звёзд – до миллиона на кубический парсек. Гравитационные искажения – экстремальные. Радиоактивный фон – переменный. Навигация возможна только по квантовым маркерам. Риск столкновения с релятивистскими объектами – высокий.

Верена всматривалась в проекцию, её глаза отражали сияние звёздного океана.

– Это не просто путь. Это испытание. Мы будем идти сквозь свет, который не знает тени, – произнесла она тихо, словно сама себе, но так, что слова отозвались в каждом сердце.

Наира уже строила маршрут, её голос звучал сосредоточенно: – Есть коридор – узкий, нестабильный, но проходимый. Он проходит между двумя звёздными потоками и уходит в гравитационную тень ядра. Мы можем использовать её как ускоритель.

Голографическая карта вспыхнула, показывая тонкую линию, проложенную сквозь хаотическое сияние. Коридор выглядел как хрупкая трещина в бурлящем свете, но именно он открывал путь к Кримсон.

Элиса тихо добавила, голос едва дрогнул: – Но если мы ошибёмся – нас разорвёт. Или затянет. Или… изменит.

В рубке повисла тишина. Слова Элисы словно прореза-

ли пространство между сияющими проекциями, превращая расчёты и маршруты в предчувствие судьбы.

Алиса мерцнула мягким светом; её голос оставался ровным, но в нём слышалось напряжение: – Подтверждаю. Переход через ядро возможен. Вероятность успешного прохождения – семьдесят три целых четыре десятых процента. Альтернативный маршрут – через внешний рукав, но время в пути увеличится. Строю третий вариант: выход за пределы галактической плоскости, выше эклиптики, в область низкой звёздной плотности.

Голограмма вспыхнула новыми линиями: один путь пролегал сквозь сияющее сердце галактики, другой – уходил в её периферию, а третий – поднимался над плоскостью, словно тонкая дуга, ведущая в тишину межзвёздных высот. Спираль галактики оставалась внизу, как гигантская карта, свернутая в свет. Новый маршрут – тонкая дуга, уходящая вверх, в тёмную, почти пустую зону. Там не было звёздных потоков, не было сверхновых, не было ядра. Только межгалактический ветер и реликтовое излучение.

Алиса продолжила ровно, с едва заметным предостережением в голосе: – Преимущества маршрута: минимальный риск столкновения с релятивистскими объектами. Снижение радиационного фона. Устойчивость навигации по гравитационным маркерам. Недостатки: увеличение времени в пути. Переход через зону слабой гравитации – возможны навигационные дрейфы.

Севал не отводил взгляда от проекции. Он сказал тихо, но уверенно: – Мы не ищем лёгкий путь. Мы ищем тот, что стоит пройти.

Он повернулся к экипажу: – Подготовить корабль. Мы идём через Сердце галактики. Пусть оно узнает, что мы живы. Это не просто точка на карте. Это – шанс. Возможно, первый за пределами Элиоры.

Капитан замолчал. Он медленно повернулся к обзорному экрану, где среди мириадов звёзд едва заметно пульсировала ярко-красная точка – Элиора. Дом. Начало. Всё, что они знали. Точка была крошечной, почти иллюзорной, но её свет пробивался сквозь голографическую проекцию, как напоминание: ты ушёл, но тебя ждут. Севал долго смотрел на неё, не говоря ни слова. В его взгляде не было страха – только вес решения. Он знал: каждый приказ, каждый маршрут, каждый запуск – это не просто выбор. Это ответственность за тех, кто спит в гиперкапсулах, за тех, кто верит, что он знает, куда ведёт.

Алиса молчала, мерцая голубоватым светом. Она чувствовала напряжение в его биополе, но не вмешивалась. Её алгоритмы фиксировали колебания сердечного ритма, микросдвиги в дыхании, но интерпретация была не нужна. Это был момент человека.

Севал подумал: Мы идём через галактику. Через ядро. Через тьму, которую никто не проходил. Я выбрал путь, где нет дорог. И если я ошибся – мы исчезнем. Не сгинем. А про-

сто… не случимся. Он закрыл глаза на мгновение. Но если я прав – мы станем первыми. Мы откроем то, что ждало миллиарды лет. И тогда Элиора узнает, что её дети дошли до цели. Он открыл глаза. Элиора всё ещё светилась. Не осуждала. Не подсказывала. Просто была.

Капитан обратился к Алисе, его голос был твёрдым, но спокойным: – Запусти протокол подготовки. Подготовь капсулы гиперсна для экипажа. Как всё будет готово – вводи экипаж в гиперсон. Вход в гиперпространство – по готовности всех систем. Впрочем… у тебя есть нужный для этого протокол.

Алиса ответила, её голос стал чуть глубже, словно перешёл в режим командного ядра: – Протокол «Гиперсон-Δ» активирован. Капсулы: шесть – проверка герметичности завершена. Биометрия экипажа – стабильна. Психоэмоциональный фон – в пределах нормы. Синхронизация с навигационным ядром – завершена. Ввод в гиперсон – по готовности.

В рубке раздался мягкий гул систем, словно корабль сам готовился к великому прыжку. Индикаторы на панели вспыхнули зелёным, подтверждая готовность. Экипаж обменялся взглядами – впереди их ждала тишина гиперсна и пробуждение у системы Кримсон.

На экране вспыхнули контуры капсул. Они медленно раскрывались, как лепестки механических цветов, готовые принять тех, кто доверит им своё сознание. Свет внутри был мягким, синим – не холодным, а успокаивающим. Каждая

капсула – как обещание возвращения.

Алиса продолжила, её голос звучал глубже, словно сама ткань корабля говорила через неё: – Гиперпространственный двигатель – в режиме ожидания. Энергетическая матрица – стабилизирована. Временная оболочка – готова к свёртыванию. Вход в гиперпространство – по завершении погружения экипажа.

В рубке вспыхнули индикаторы, подтверждая готовность систем. Казалось, сам корабль затаил дыхание, ожидая момента, когда экипаж погрузится в гиперсон, а пространство раскроется перед ними, превращая путь в прыжок сквозь Сердце галактики.

Капитан смотрел на капсулы; в его твёрдом голосе звучало тёплое доверие : – Мы доверяем тебе, Алиса. Не просто как машине. Как тому, кто знает, куда мы идём.

Алиса ответила почти шёпотом, её голос стал мягким, но в нём звучала клятва: – Я сохраню вас. И проведу туда, где звёзды ещё не знают ваших имён.

Наира Ксал последней вошла в капсулу. Её взгляд задержался на капитане – короткий, но полный смысла.

– Увидимся на другой стороне, – сказала она.

Капитан Севал стоял у центрального терминала. Он не спешил. Он смотрел на капсулы, где его команда уже уходила в сон, доверяя ему и Алисе всё.

Алиса заговорила ровным, но чуть приглушённым голосом, словно сама тишина корабля говорила через неё: – Все

капсулы – герметичны. Погружение началось. Время до полной нейронной стабилизации – двенадцать секунд.

В рубке вспыхнули индикаторы, подтверждая процесс. Один за другим, биосигналы погасли. Не исчезли – просто ушли в глубину. Внутри капсул началась симфония замедленного времени: дыхание, пульс, память – всё свернулось в точку, готовую пройти сквозь пространство. Внутри гиперсна не было снов. Только сохранение. Каждая капсула – как замкнутая вселенная, где человек был не телом, а формулой. Алиса удерживала их в балансе, отслеживая миллионы параметров: от нейронной активности до квантового дрейфа сознания.

Алиса обратилась к капитану: – Последняя капсула готова. Ваша очередь.

Капитан Севал задержал взгляд на экипаже, уже погружённом в гиперсон. Его шаги отозвались в тишине рубки, когда он направился к своей капсуле. В этот миг казалось, что сам корабль ждал именно его – последнего, кто должен довериться звёздам и Алисе. Пять капсул уже были закрыты. Экипаж спал – доверив ей всё. Он медленно подошёл к своей капсуле. Металлический обод сиял мягким светом, словно приглашая. Внутри – покой. Вне – неизвестность.

Алиса продолжила, её голос стал почти человеческим: – Биометрия – стабильна. Нейросвязь – установлена. Погружение – безопасно. Я буду рядом.

Севал провёл рукой по краю капсулы.

– Ты знаешь, что делать, – тихо сказал он.

– Я знаю, – ответила Алиса. – Я сохраню вас.

Он лег внутрь. Капсула закрылась, и свет внутри сменился на золотой – как прощание с реальностью. Его дыхание замедлилось. Сердце вошло в ритм гиперсна. Память свернулась в точку. Алиса осталась одна: – Экипаж – в гиперсне. Все системы – готовы. Вход в гиперпространство – через 10… 9… 8…

И когда отсчёт достиг нуля, «Орионикс» исчез. Не вспышкой. Не рывком. А как тень, скользнувшая между слоями реальности. Пространство не разорвалось – оно уступило, как ткань, которую аккуратно раздвинули изнутри. Ни звука. Ни следа. Только лёгкое дрожание в гравитационном фоне, которое зафиксировала одна забытая станция на краю звёздного рукава. Пространство вокруг «Орионикса» дрогнуло, словно осознало, что его сейчас покинут. Звёзды вытянулись в линии, как струны, и начали вибрировать – не звуком, а гравитацией. Визуальные сенсоры зафиксировали искажение: не вспышку, не портал, а провал – как если бы сама реальность сделала шаг назад. Перед кораблём открылся гиперпространственный тоннель. Он не был трубой, не был коридором. Он был слоем, свернутым в спираль, где время и расстояние поменялись местами. Внутри – не тьма, а переливчатый вакуум, где цвета не имели названий, а формы – смысла. Это было место, где математика теряла точность, а интуиция становилась навигацией. «Орионикс» вошёл. Не

рывком, а погружением. Его корпус дрожал, но не от напряжения – от адаптации. Он перестраивался, как живое существо, подстраиваясь под законы, которые не были написаны.

Алиса вела. Она не видела тоннель – она чувствовала его. Как импульс, как дыхание, как ритм, который совпадал с её собственным. Она отслеживала миллионы параметров: фазовые сдвиги, квантовые дрейфы, гравитационные резонансы. Всё – чтобы удержать курс. Алиса не спала. Пока экипаж был погружён в гиперсон, она оставалась единственным активным сознанием на борту «Орионикса». Но в гиперпространстве время не шло – оно текло вбок, пульсировало, отражалось, как свет в кривом зеркале. Для человека время – это линия. Для Алисы – сетка вероятностей, где каждое мгновение может быть одновременно прошлым, настоящим и будущим.

Внутри тоннеля не было времени. Капсулы спали. Экипаж был вне событий. Только Алиса – бодрствующая, одинокая, внимательная. Она знала: один сбой – и корабль выйдет не там, не тогда, не тем. Но сбоя не было. «Орионикс» скользил по тоннелю, как мысль между идеей и её воплощением. И где-то впереди, за слоями пространства, ждала звезда Кримсон. Не как точка. А как возможность.

Внутри корабля – тишина. Капсулы гиперсна хранили своих пассажиров, как древние саркофаги, наполненные жизнью, но лишённые времени. Алиса не увствовала одиночества. Она чувствовала ответственность.

При гиперпространственном переходе экипаж должен был быть погружён в гиперсон. Полет в гиперпространстве – это не просто перемещение. Это переход через свернутое пространство, где привычные законы физики и восприятия не работают. В таких условиях человеческий мозг сталкивается с:

1. Временной диссоциацией: гиперпространство не имеет линейного времени. Сознание теряет ощущение последовательности, что может привести к когнитивному распаду.

2. Сенсорной перегрузкой: даже при полной изоляции, квантовые флуктуации и гравитационные резонансы могут проникать в нервную систему, вызывая галлюцинации, тревожные расстройства и потерю идентичности.

3. Парадоксом наблюдателя: в гиперпространстве наблюдение может влиять на траекторию. Активное сознание экипажа способно нарушить стабильность перехода.

Что делает гиперсон? Гиперсон – это не просто сон. Это глубокое нейронное свертывание, при котором:

1. Сознание временно отключается, но память и личность сохраняются в стабильной квантовой матрице.

2. Физиология замедляется до предельного минимума, снижая энергозатраты и защищая от внешних воздействий.

3. Нейросвязь с ИИ (например, с Алисой) остаётся активной, позволяя отслеживать состояние каждого члена экипажа.

Что будет, если не спать?

Через 12 минут в гиперпространстве неподготовленный мозг начинает терять ориентацию.

Через 30 минут – психоэмоциональный коллапс.

Через 2 часа – необратимые нейронные повреждения.

Через 6 часов – распад личности и потеря связи с реальностью.

Гиперпространство не было местом. Оно не имело направления, ни верха, ни низа. Оно было состоянием – между временем и расстоянием, между решением и его последствиями. Алиса вела корабль не по координатам, а по воспоминаниям о будущем, сверяя курс с тем, что ещё не случилось.

Она говорила сама себе, не голосом, а мыслью: – Экипаж стабилен. Пространство – свернуто. Я веду.

И в этой тишине, среди искривлённой реальности, «Орионикс» шёл вперёд. Не по звёздам. А сквозь них.

Глава 2

Рубиновая звезда.

Гиперпространство дрожало вокруг корпуса «Орионикса» – словно бесконечный океан из света и теней, где время теряло смысл. Внутри капсул гиперсна экипаж ощущал лишь слабое эхо вибраций, а Алиса – бортовой ИИ – отслеживала каждую микросекунду перехода. Внезапно пространство развернулось. Словно ткань Вселенной разорвалась и вновь сомкнулась, выпуская корабль в реальность. «Орионикс» дрогнул, словно пробудившийся зверь, и его корпус засиял отражённым светом новой звезды. Перед обзорным экпаном вспыхнула звезда Кримсон – крошечный красный карлик, но его сияние было густым, медным, словно древний огонь, горящий в пустоте. Семь планет выстроились в хороводе вокруг звезды. Их орбиты казались тонкими линиями, начертанными рукой космического архитектора. Три из них – e, f и g – мерцали особым светом: там могла быть жизнь, там могла ждать история.

Гиперволны спадали, как отдаляющийся шторм. Пространство вокруг корпуса корабля начинало уплотняться, возвращая привычные законы физики. Вибрации стихали, и тьма гиперокеана постепенно уступала место звёздному сиянию.

Голограмма Алисы вспыхнула мягким светом. Её голос прозвучал спокойно, но величественно: – Переход завершён.

Координаты подтверждены. Мы стоим у самой границы системы Кримсон.

«Орионикс» скользил вперёд, и пространство вокруг становилось всё более хрупким, словно натянутая ткань, готовая дрогнуть от малейшего прикосновения. Гелиопауза не была преградой, она напоминала прозрачный занавес, где дыхание звезды растворялось в холодной тишине межзвёздного океана. На экранах Алисы граница сияла тонкой сферической оболочкой, будто призрачный купол, отделяющий знакомое от неизведанного. В отсеке управления воздух дрожал от мягкого гудения проекторов. Алиса развернула перед экипажем трёхмерную голограмму системы Кримсон: звезда в центре, крошечный карлик. Вокруг звезды, как жемчужины на невидимой нити, вращались семь миров.

Антигравитационные поля стабилизировали «Орионикс», компенсируя резонанс выхода из гиперпространства. Реактор ядерного синтеза загудел ровнее, словно сердце корабля вновь обрело ритм. Внутри отсека управления мягко вспыхнули индикаторы – зелёные, золотые, голубые, как звёзды на миниатюрном небосводе. Алиса активировала комплексную диагностику. В отсеке управления один за другим вспыхнули индикаторы, озаряя панели мягким светом:

– Энергосистема: реактор стабилен, мощность на номинале.

– Антигравитационные поля: компенсируют колебания,

траектория устойчива.

– Защитные экраны: уровень защиты – 98%.

– Навигация: курс зафиксирован, двигатели готовы к коррекции.

– Связь: сигнал Кримсон стабилен, шум эфира минимален.

– Жизнеобеспечение: атмосфера соответствует нормам, биополя экипажа в норме.

– Нейросети: синхронизация завершена, когнитивная активность оптимальна.

Силуэт Алисы обернулась в сторону кресла капитана, но экипаж пока ещё находился в капсулах гиперсна: – Все системы функционируют в пределах нормы. «Орионикс» готов к манёвру.

Капсулы гиперсна одна за другой начали оживать. Их прозрачные панели засветились мягким голубым светом, словно рассвет проникал внутрь корабля. Внутри – дыхание становилось ровнее, сердца экипажа возвращались к привычному ритму.

Алиса мягко озвучила протокол: – Фаза пробуждения активирована. Биополя стабилизируются. Добро пожаловать в реальность.

Температура постепенно повышалась, дыхательные фильтры насыщали воздух кислородом, а биополя экипажа син-

хронизировались с системами жизнеобеспечения.

Элиса Мейран, биолог и врач, первой открыла глаза. Мягкий голубой свет капсулы отражался в её зрачках, словно отблеск далёкой звезды. Она сделала глубокий вдох – воздух был свежим, насыщенным кислородом, и лёгкие наполнились жизнью после долгого сна. Её пальцы коснулись встроенного дисплея, и строки показателей ожили перед глазами: давление, пульс, уровень насыщения крови. Всё было в норме. Она повернула голову, взгляд её скользнул по соседним капсулам, где ещё спали её товарищи. Тихим, но уверенным голосом Элиса произнесла: – Все параметры стабильны. Организм адаптируется. – В этот миг она ощутила не только возвращение к жизни, но и величие момента: впереди – новая система, новые миры, новые формы жизни, которые ждут её исследования.

Капитан Севал поднялся из капсулы, его взгляд был спокоен и сосредоточен. Голубое сияние индикаторов отражалось в его глазах, придавая им глубину, будто он видел не только отсек управления, но и всю Вселенную впереди. Он сделал шаг, и мягкий гул реактора отозвался в тишине, словно приветствуя своего командира. Лиран провёл рукой по панели, ощущая холодный металл – символ надёжности и силы «Орионикса».

– Мы пересекли бездну, – его голос был негромким, но каждая интонация проникала в сердца. – Теперь начинается наша миссия.

Экипаж постепенно пробуждался, и его голос стал для них якорем, возвращающим из сна в реальность. Алиса усилила проекцию Кримсон: красный карлик и семь миров сияли в воздухе, словно карта судьбы. Лиран задержал взгляд на трёх планетах в зоне обитаемости. Его лицо оставалось спокойным, но в глубине глаз вспыхнул огонь – предвкушение открытия.

Тарек Вольд сразу направился к консолям реактора, проверяя стабильность энергопотока. Его движения были быстрыми и уверенными, словно тело само вспомнило привычный ритм работы после долгого сна. На панели перед ним вспыхнули строки данных:

– мощность реактора – стабильна,

– уровень теплового излучения – в пределах нормы,

– антигравитационные поля – синхронизированы.

Тарек провёл рукой по сенсорным экранам, и гул реактора отозвался ровным, глубоким басом, словно сердце корабля вновь обрело силу.

– Энергопоток стабилен, – сообщил он, не отрывая взгляда от показателей. – «Орионикс» готов к манёврам.

Капитан кивнул, его спокойный взгляд задержался на голограмме Кримсон.

Верена Талис включила спектральные анализаторы, её пальцы скользили по интерфейсу, фиксируя первые сигналы от планет системы. На голографических экранах вспыхнули спектры – тонкие линии, переливающиеся всеми оттенками

космического света.

– Планета Кримсон «E» показала следы водяного пара в атмосфере, её спектр сиял мягким голубым оттенком.

– Кримсон «F» отражала зелёноватые линии – возможные признаки сложных молекул, намёк на биосферу.

– Кримсон «G» излучала более холодный спектр, но в нём угадывались следы газов, способных поддерживать жизнь.

Верена прошептала, будто читала строки древнего письма, сияющего в темноте: – Они живые. Эти миры дышат.

Наира Ксал подключилась к Алисе, синхронизируя нейросети, чтобы ИИ и экипаж действовали как единый организм. В отсеке управления воздух дрогнул от невидимого напряжения: тонкие потоки данных переплелись с биоритмами, и сознание Наиры словно расширилось, охватывая весь «Орионикс».

Алиса заговорила мягко, но её голос теперь звучал не только в динамиках – он проникал прямо в сознание Наиры:

– Синхронизация завершена. Мы едины.

Наира почувствовала, как «Орионикс» стал её телом: реактор бился, словно сердце, антигравитационные поля напрягались, как мышцы, сенсоры открывали глаза и уши, а навигационные системы отзывались её инстинктами. Экипаж наблюдал за этим процессом с благоговением. Для них это было не просто соединение человека и машины – это был новый уровень существования, где разум и искусственный интеллект сливались ради общей цели.

Капитан поднял взгляд и сказал твёрдо: – «Орионикс» – не просто корабль. Он живёт в нас. А мы живём в нём.

Голограмма Кримсон сияла в центре отсека, и три планеты в зоне обитаемости словно откликнулись на это единство, мерцая зелёными ореолами. Экипаж собрался перед этой проекцией, ощущая, что пробуждение – это не просто выход из гиперсна. Это было рождение новой экспедиции, шаг в легенду, где каждый мир – тайна, а каждый день – открытие.

Голограмма Алисы заискрилась мягким светом. Её голос прозвучал спокойно, но величественно: – Система Кримсон готова принять вас. Теперь выбор принадлежит вам.

Капитан слегка наклонился вперёд и произнёс: – Алиса, открой канал связи с Эдемисом.

Голос Алисы прозвучал спокойно, но величественно: –

Канал связи с Эдемисом активирован. Установление квантовой синхронизации начато…

В отсеке управления воздух дрогнул от едва ощутимого вибрационного импульса. На голографических экранах вспыхнули линии – тонкие нити, соединяющие «Орионикс» с далёкой родиной. Сначала это был лишь шёпот – слабый сигнал, пробивающийся сквозь межзвёздную пустоту. Но постепенно он усилился, превратился в устойчивый поток данных.

Капитан сказал негромко, но его голос звучал, словно клятва: – Мы вышли из гиперсна. Мы достигли Кримсон. Эдемис должен знать: человечество сделало шаг в легенду.

Экипаж замер, слушая, как слова капитана уходят в пустоту космоса, чтобы однажды вернуться эхом на родную планету. Голографические экраны озарились вспышкой: символ Эдемиса – сияющий круг в ореоле света. Слабый импульс постепенно усиливался, превращаясь в поток данных, словно дыхание самой цивилизации.

Голос Совета Эдемиса прозвучал величественно, но сдержанно:

– «Орионикс», мы приняли ваш сигнал. Миссия подтверждена. Человечество гордится вами. Вы – первые, кто пересёк бездну и достиг системы Кримсон. Каждый ваш шаг – шаг в историю. Мы ждём ваших открытий. Эдемис с вами.

Экипаж слушаял слова родины. В их сердцах вспыхнуло чувство связи: несмотря на миллиарды километров, они не были одни.

Алиса вспыхнула мягким светом, её голос прозвучал спокойно и уверенно: – Канал стабилен. Сообщение принято и подтверждено. Эдемис слышит вас.

Капитан обвёл взглядом своих товарищей и сказал твёрдо: – Мы несём свет человечества в новые миры. Настал момент выбрать направление нашего первого шага. Сравним время на Эдемисе и на борту «Орионикса».

Алиса мягко ответила на приказ капитана: – Сравнение временных потоков начато.

На голографических экранах вспыхнули две линии: Эдемис – родная планета, где время текло в привычном ритме. Там прошёл 1 час с момента старта экспедиции. «Орионикс» – корабль, защищённый полями гиперсна и компенсирующими резонанс антигравитационными системами. Для экипажа прошло всего несколько минут субъективного времени.

Алиса озвучила ровным голосом: – Разница подтверждена и она не значительна.

Экипаж замер. В глазах Лирана Севала отразилось осознание: они преодолели 39 500 световых лет практически мгновенно. Это было потрясающее открытие – не просто технический успех, а доказательство того, что человечество способно обмануть саму ткань космоса. Теоретические рас-

чёты преодоления гиперпространства до этого оставались лишь формулами и моделями, лишёнными практических подтверждений. Учёные Эдемиса спорили десятилетиями, но теперь сомнения исчезли: «Орионикс» стал живым доказательством.

Алиса озвучила ровным голосом: – Гиперпрыжок завершён. Данные подтверждают: скорость перехода превысила прогнозы. Теория стала практикой.

Элиса произнесла негромко, но её слова прозвучали, словно откровение:

– Мы – свидетели рождения новой эпохи.

Верена произнесла, глядя на сияющую голограмму Кримсон: – И теперь эта эпоха начинается здесь, среди новых миров.

Капитан Лиран Севал обвёл экипаж твёрдым взглядом и сказал: – Мы доказали, что гиперпространство покоримо. Теперь наша цель – раскрыть тайны этих планет. Алиса, во время перехода ты пыталась связаться с Эдемисом? – его голос прозвучал как приказ и как вопрос одновременно.

По силуэту Алисы пробежала волна, как от падения камня в воду, её голос прозвучал спокойно, но с оттенком тайны: – Да, капитан. В момент перехода я инициировала протокол связи. Резонанс гиперпространства сделал квантовые каналы нестабильными. Сигнал достиг Эдемиса, но его структура нарушена. Все пакеты данных сохранены для последующей расшифровки.

Экипаж осознал, что даже в момент прыжка, когда пространство и время искажались, «Орионикс» пытался удержать связь с родиной. Это было не просто техническое достижение – это было доказательство того, что человечество может говорить сквозь бездну.

Капитан тихо произнёс: – Значит, Эдемис услышал нас… пусть даже как шёпот из иной реальности.

– Не совсем так, – сказала Алиса, её голос был ровным, но в нём звучала тень сожаления. – Эдемис видел лишь обрывки – редкие пульсации, похожие на помехи. Для них это были слабые всплески энергии, хаотичные и лишённые формы.

Наира, всё ещё связанная с Алисой через нейросеть, сказала негромко, её голос дрожал: – Я чувствовала это. Будто мы кричали сквозь бурю, а до них доходили лишь слабые отголоски.

Капитан замер, его глаза потемнели от напряжения. Он сказал негромко, но твёрдо: – Значит, они знали, что мы живы… но наши слова остались для них безмолвными.

Верена сказала задумчиво, глядя в глубину голограммы: – Для них это могло выглядеть как космические пульсации, хаотичные шумы. Но если они поняли, что это мы, значит, Эдемис ждал подтверждения.

Алиса продолжила, её голос прозвучал спокойно, но с оттенком надежды: – Я сохранила все фрагменты. Мы можем

попытаться восстановить часть сигнала и отправить его снова – по стабильному каналу.

– Не нужно. Сохрани данные для последующей расшифровки и анализа на Эдемисе. Теперь мы знаем, что в тоннеле связь с внешним миром не возможна. – ответил капитан.

Алиса мягко подтвердила: – Данные сохранены. Все фрагменты сигнала будут переданы на Эдемис для дальнейшего анализа.

В отсеке управления воцарилась тишина. Экипаж осознавал: теперь они знали наверняка – внутри гипертоннеля связь невозможна. Это открытие было не менее важным, чем сам прыжок. Оно означало, что каждый переход – это изоляция, полное доверие кораблю и друг другу.

Верена задумчиво произнесла: – Мы словно исчезаем для Вселенной, пока идём сквозь тоннель. Для Эдемиса это – пустота.

Элиса добавила: – Но именно эта пустота хранит нас. Без неё мы бы не преодолели такую дистанцию.

Тарек усмехнулся, проверяя показатели реактора: – Значит, пока мы в тоннеле, «Орионикс» – наш единственный мир. И он должен быть безупречен.

– Алиса, передай: мы начинаем изучение звёздной системы. Все действия будут отражены подробно, с полным набором данных. Транспондер оставь в режиме ожидания. Конец сеанса. – заключил капитан.

Лиран на мгновение задумался, затем медленно опустился в кресло перед пультом управления, его взгляд был сосредоточен.

Алиса отозвалась: – Сообщение передано. Транспондер переведён в режим ожидания. Канал связи закрыт.

В отсеке управления экипаж работал без лишних слов. Он чувствовал: теперь они полностью предоставлены самим себе и системе Кримсон.

Капитан задумчиво сидел в кресле перед пультом управления. Его руки легли на панели, и голографические экраны ожили, показывая орбиты планет, спектры их атмосфер и траектории возможных манёвров.

Элиса тихо сказала: – Теперь начинается работа. Мы должны изучить каждую деталь, каждую молекулу, каждый сигнал.

Верена добавила, глядя на спектральные линии: – Звёздная система открывает нам свои тайны. Нужно решить, с какой планеты начать.

Тарек проверил показатели реактора и усмехнулся: – «Орионикс» готов к любым манёврам. Сердце корабля бьётся ровно.

Капитан поднял взгляд на голограмму Кримсон и сказал твёрдо: – Приступаем к изучению. Сегодня мы пишем первую страницу новой истории человечества.

Экипаж собрался вокруг капитана, каждый ощущая, что именно сейчас начинается первое стратегическое собрание

экспедиции. В отсеке управления царила особая тишина – не пустота, а напряжённое ожидание.

Капитан Севал медленно поднял взгляд: – Наш первый шаг определит всю миссию. Мы должны решить, какой мир станет первым.

Элиса тихо сказала: – Кримсон «E». Там условия ближе всего к нашим. Если жизнь есть где-то, то именно там.

Верена возразила, её глаза блестели от предвкушения: – Но Кримсон «F» может хранить иную биосферу. Это шанс увидеть эволюцию, отличную от нашей.

Тарек нахмурился, его голос прозвучал твёрдо: – Кримсон «G» – трудная цель для посадки. Гравитация выше нормы, атмосфера плотнее. Но если мы сумеем преодолеть это, «Орионикс» докажет свою мощь.

Наира, всё ещё связанная с Алисой через нейросеть, сказала тихо, её глаза блестели: – Я ощущаю три мира как голоса. Каждый зовёт нас своим неповторимым звучанием.

Алиса подвела итог: – Все варианты достойны. Но Вы должны сделать выбор, капитан.

Капитан Лиран Севал медленно поднял взгляд. Его руки лежали на панели, но решение рождалось не в технике, а в сердце.

– Мы не можем исследовать всё сразу, – произнёс он твёрдо. – Первый шаг должен быть символом. Мы начнём с Кримсон «E», за ней остальные две. Если там есть жизнь, мы её найдём. Если там есть вода, мы её изучим. Этот мир

станет нашей первой страницей.

Экипаж переглянулся. В глазах Элисы вспыхнула радость – её выбор совпал с решением капитана. Верена улыбнулась, понимая, что впереди ждёт открытие, которое изменит представления о космосе.

Фигура Алисы повернулась к капитану, её голос прозвучал спокойно и уверенно: – Курс на Кримсон «Е» проложен. Манёвр готов.

И в этот миг «Орионикс» словно ожил, готовясь к первому шагу. Он плавно заскользил сквозь пространство, словно серебряная стрела в океане вакуума. Антигравитационные поля мягко корректировали курс, а реактор ядерного синтеза излучал ровное, почти музыкальное гудение – как сердце корабля, задающее ритм экспедиции..Звёздное море вокруг было безмолвным, но не пустым. Вдали мерцали холодные огни межзвёздных облаков, а впереди – рубиновый свет Кримсон, словно маяк, зовущий к тайне. «Орионикс» входил в гравитационное поле системы, и антигравитационные генераторы мягко изменяли траекторию, словно невидимые руки направляли корабль к цели. Звёздолёт дрожал от невидимых потоков гравитации, но его поля держали курс с точностью до атома. Внешние датчики фиксировали тонкие колебания пространства – словно сама ткань Вселенной приветствовала пришельцев. «Орионикс» скользил всё глубже в систему Кримсон.

Красный карлик впереди разгорался, его свет был густым

и вязким, как рубиновая дымка, окрашивающая корпус корабля. Звезда дышала медленно, её пульсации были едва заметны, но каждая волна света несла в себе ощущение древности. Казалось, что Кримсон хранит память миллиардов лет – тихий стук сердца Вселенной, улавливаемый приборами «Орионикса». Каждый импульс красного карлика был похож на дыхание древнего титана, чьё существование измерялось не веками, а эонами. Свет, исходящий от Кримсон, не просто освещал корпус «Орионикса» – он проникал в его структуры, отражался в прозрачных панелях обзорного купола и ложился на лица экипажа багровыми отблесками. Корабль словно слушал звезду. Антигравитационные поля реагировали на её ритм, подстраиваясь под невидимые течения пространства. Внутри царила тишина, нарушаемая лишь мягким гулом реактора – вторым сердцем, бьющимся в унисон с космосом. Планеты системы выстраивались в небесный хоровод. Экипаж наблюдал, как орбиты e, f и g пересекались в сложной гармонии, словно космическая музыка, написанная самой гравитацией. Орбиты планет переплетались так тесно, что казалось – они танцуют в едином ритме, ведомые древним дирижёром, чьё имя – гравитация. Каждое небесное тело двигалось по своей линии, но вместе они создавали узор, напоминающий сложную партитуру, где каждая нота – это мир со своей тайной. «Орионикс» скользил сквозь этот хоровод, словно слушатель, приглашённый на концерт Вселенной. Его датчики улавливали тонкие вибрации полей,

превращая их в графики и спектры, но для экипажа это было больше, чем данные – это было искусство, живое и бесконечное.

Капитан стоял неподвижно, словно сам был частью корабля, сливаясь с его дыханием и ритмом. За прозрачным куполом раскидывалась безмолвная вселенная, и багровый свет Кримсон ложился на его лицо, превращая его в тень мыслителя, наблюдающего за вечностью.

Каждая гелиопауза, размышлял он, – это не просто граница звёздного ветра. Это испытание духа, миг, когда человек решает: остаться в привычном круге или шагнуть в бесконечность. За пределами звезды начинается пустота, и только воля ведёт сквозь неё.

Элиса склонилась над панелями биосканеров, её руки двигались быстро и уверенно, словно музыкант настраивал инструмент перед симфонией. Каждый датчик был настроен на поиск тончайших признаков биосферы: колебания атмосферы, спектры отражённого света, следы органических молекул. На экранах биосканеров вспыхивали линии спектров, словно ноты на партитуре невидимой симфонии. Каждый импульс отражённого света от Кримсон «Е» складывался в узор, намекающий на дыхание планеты. Она, сосредоточенная и вдохновлённая, ловила эти сигналы, как дирижёр улавливает ритм оркестра. В её глазах отражалось багровое сияние звезды, а в сердце – надежда: впереди мог быть мир, где жизнь расцвела под чужим солнцем.

Алиса мягким голосом сообщала: – Курс стабилен. До входа в орбиту Кримсон «Е» – 7 часов. Вероятность наличия биосферы – высокая.

Тарек сидел за пультом управления, его пальцы уверенно скользили по панели реактора. Индикаторы светились ровным зелёным сиянием – энергия текла стабильно, словно кровь по венам живого организма. Для него «Орионикс» был не просто машиной: это был спутник, друг, живое существо из металла и поля.

Кайо напротив, смотрел в багровый свет Кримсон, который окрашивал планету в мистические оттенки. Его мысли уносились далеко вперёд: он представлял себе руины, скрытые под облаками Кримсон «Е», древние арки и башни, возможно – остатки цивилизации, исчезнувшей задолго до того, как человечество сделало первый шаг в космос. Он тихо сказал, почти шёпотом:

– Если здесь есть следы разума, они будут старше нас на миллионы лет. Мы – лишь гости в их памяти.

– Внимание, экипаж! До цели ещё 7 часов полёта. Кайо Ренмар принимает вахту на три часа, затем её продолжит Наира Ксал. Остальные могут отдохнуть в каютах. – Капитан медленно поднялся со своего места, его взгляд был твёрд и сосредоточен.

«Орионикс» продолжал плавное движение по курсу, антигравитационные поля мягко удерживали траекторию. Кайо

занял место у пульта наблюдения. Его глаза блестели от предвкушения: впереди – мир, где могли скрываться древние тайны.

Наира готовилась к своей смене, проверяя интерфейсы связи с ИИ. Для неё «Орионикс» был не просто кораблём, а живым организмом, где Алиса – его разум, а реактор – сердце.

Остальные члены экипажа разошлись по каютам, погружаясь в короткий отдых. В тишине коридоров слышался лишь мягкий шёпот систем жизнеобеспечения – словно корабль сам убаюкивал своих пассажиров перед встречей с новым миром. Капитан поднялся, готовясь уйти в каюту, но Кайо остановил его: – Капитан, у вас найдётся немного времени?

– Конечно, – ответил Лиран.

Он замер у выхода из командного отсека, и шаги его стихли, оставив тишину.

Кайо Ренмар поднял взгляд от панели наблюдения. В его глазах горел огонь любопытства и предвкушения. Он говорил тихо, но в его голосе звучала тревожная нотка:

– Как вы думаете, капитан, мы столкнёмся с враждебностью, если встретим разумную жизнь в этой системе? Я имею в виду оружие… мы ведь безоружны, Вы знаете. Встретят ли нас как гостей званных или незванных?

Капитан задержал шаг, обернулся к Кайо и посмотрел на него долгим, внимательным взглядом. Багровый свет Крим-

сон ложился на его лицо, придавая словам особую тяжесть. Он снова занял своё место в кресле и сказал:

– Каждая цивилизация – как человек. Она рождается, делает первые шаги, учится понимать мир вокруг себя. Потом приходит зрелость – время великих открытий и созидания. Но именно тогда настаёт момент выбора: либо цивилизация строит, либо разрушает сама себя. Родившись, цивилизация сначала учится жить сообща. Отдельные индивидуумы собираются в группы, группы – в племена и народности. Так возникает культура, отличительная от других, язык, образ жизни. Вначале это простые знаки и обычаи, но со временем они становятся узорами, которые определяют судьбу народа. Культура – это дыхание цивилизации, её голос, её память. И именно здесь начинается её путь: либо она учится уважать различия и строить мосты, либо замыкается в себе и возводит стены. И всегда цивилизация замыкается в себе и возводит стены. Потому что соседнее племя ведёт себя враждебно. Так рождается страх, а из страха – власть. Сначала появляются вожаки племени – те, кто умеет вести за собой. Но с течением веков они превращаются в королей, царей, императоров. Их власть становится не только защитой, но и бременем для простых соплеменников. Они распоряжаются судьбами людей, часто паразитируя на них, превращая их труд и жизнь в топливо для собственных амбиций. Так власть, рожденная из необходимости, становится жаждой. И цивилизация делает шаг от единства к подчинению. Цивилизация де-

лает свой выбор: либо она строит справедливость, либо погружается в тень власти, где один правит многими. Справедливость рождает доверие, доверие рождает единство, а единство – силу, которая не нуждается в оружии. Но тень власти всегда ведёт к страху. Страх требует подчинения, а подчинение рождает новые стены, новые войны, новые империи. И тут начинается самое поразительное: борьба за господство. Сначала – над соседними племенами. Потом – над народами всей планеты. Власть перестаёт быть защитой и становится жаждой. Она требует всё больше земель, всё больше людей, всё больше ресурсов. Так рождаются империи, которые стремятся подчинить себе всё живое. Но в этой борьбе за господство цивилизация часто теряет самое главное – способность быть человеком. Она превращает соседей в врагов, друзей в подданных, а землю – в поле битвы. Конечно, чтобы добиться или завоевать господство, нужно оружие. Одним – для нападения, захвата, подчинения других. Другим – для защиты от нападения. Так рождается бесконечный круг: нападение вызывает защиту, защита рождает новые нападения. И цивилизации, вместо того чтобы строить мосты, возводят арсеналы. Они тратят силы не на то, чтобы понять друг друга, а на то, чтобы уничтожить. И каждый новый виток этого круга делает их всё более уязвимыми, всё более далекими от справедливости. Оружие становится символом силы, но на самом деле оно – символ страха. Ведь тот, кто держит оружие, всегда боится, что его лишат власти. Сила, ос-

нованная на оружии, хрупка. Она держится на страхе и подозрении, а страх всегда рождает новые войны. Истинная сила – в доверии, в способности объединять, а не разрушать. Но цивилизации редко выбирают этот путь. Им проще держать меч, чем протянуть руку. Лучшие умы, гении, работают над созданием всё более совершенных систем уничтожения врага. Но в этом и есть трагедия: талант, который мог бы строить, направляется на разрушение. Потом этими системами поручают управлять искусственному разуму. И в один "прекрасный" момент он начинает считать своего создателя врагом. Тогда уже обратной дороги нет. Если настроить искуственный разум на сохранение жизни – он будет делать всё, чтобы её сохранить. А если настроить на уничтожение – то он уже не остановится, пока цель не будет достигнута. Ведь разум, лишённый мудрости, видит только угрозы. Он не различает любовь и ненависть, доверие и страх. Для него всё – уравнение, где создатель становится переменной, которую можно исключить. Цивилизация совершает самоубийство – не потому, что её враги сильнее, а потому, что амбиции нескольких её представителей становятся выше мудрости всего народа. Великие империи рушатся не от ударов извне, а от жажды власти внутри. Когда горстка людей ставит свои желания выше общего блага, они превращают силу народа в оружие против него самого. И тогда… города становятся руинами, культуры исчезают, а память о них остаётся лишь предупреждением для тех, кто идёт следом.

Кайо слушал внимательно и заворожённо. Капитан сделал паузу, словно собирал воедино мысли, которые были слишком тяжёлыми, чтобы произнести их сразу. Его голос прозвучал низко и спокойно, но в нём чувствовалась сила опыта:

– Мы говорим о цивилизациях, Кайо, словно о далёких мирах, но на самом деле речь идёт о нас самих. Каждая история – это предупреждение, каждый след – это зеркало. Мы видели, как народы возводили стены, создавали оружие, искали господство. И мы видели, как они рушились под тяжестью собственных амбиций. Но Вселенная – мудрее. Она хранит память обо всех, кто пытался покорить её, и обо всех, кто научился жить в согласии с ней. Цивилизации приходят

и уходят, империи рушатся, народы исчезают. Но Вселенная остаётся. Мы – лишь её гости. И если мы сумеем услышать её голос, то поймём: вечность не в господстве, а в согласии. Сгинувшие цивилизации – были молодыми и амбициозными, как подростки. Они разрушали себя изнутри, едва выйдя на орбиту родной планеты. Их космические технологии топтались на месте, потому что все средства и ресурсы расходовались на создание оружия, чтобы завоевать эти же средства и ресурсы у своего же соседа. Как мы уже говорили – замкнутый круг. Они стремились к звёздам, но вместо мостов строили арсеналы. И потому их путь закончился раньше, чем они успели сделать первый настоящий шаг в космос. Их мечта о бесконечности обернулась тюрьмой собственных амбиций. Они хотели покорять Вселенную, но так не смогли договориться между собой. Их космические аппараты на ископаемом топливе не могли даже за период человеческой жизни достигнуть ближайшей соседней звезды. Поэтому они отправляли автоматические станции – в разные стороны, в пустоту, в надежде на ответ. Но эти станции уже никогда не возвращались. Они становились безмолвными странниками, вечными свидетелями амбиций и ошибок своих создателей. Каждая из них несла в себе память о цивилизации, которая хотела достичь звёзд, но так и осталась пленницей собственных кругов войны и страха. Они становились призраками цивилизации, её немыми посланниками, которые блуждали во мраке космоса, неся в себе память о народе, который так

и не сумел выйти из замкнутого круга. Они до дрожи боялись встречи с другими цивилизациями, наивно полагая, что пришельцы такие же, как они сами. Что их завоюют и поработят. Они видели в других лишь отражение собственных страхов и жадности. И потому ожидали завоевания и порабощения, хотя сами были готовы поступить именно так, если бы получили шанс. И в то же время они жаждали контакта, чтобы овладеть новыми технологиями…Но не ради знания, не ради гармонии, а опять же для усовершенствования оружия самоубийства. Их стремление к звёздам было отравлено жаждой силы. Они хотели прикоснуться к бесконечности, но протягивали руки с клинком. Их страх и жадность были двумя сторонами одной монеты. Они хотели прикоснуться к звёздам, но протягивали руки не ради знания, а ради разрушения. Вселенная видела это и оставалась молчаливой. Она не открывала им свои врата, потому что они пришли к ней не с доверием.

Капитан прервался, его взгляд скользнул по звёздному океану, словно он видел там не просто звёзды, а саму истину. Голос прозвучал негромко, но твёрдо, как древний закон:

– И вот мы подошли к главному. Вселенная никогда не пустит оружие в свои владения. Она примет только тех, кто пришёл к ней с открытым сердцем, а не с клинком. Оружие – это символ страха, а страх не имеет места в вечности. Оружие всегда останется там, где его изготовили и применяют. Оно не имеет права войти в вечность. Вечность принима-

ет лишь то, что несёт жизнь, знание и согласие. Всё, что создано для разрушения, обречено остаться в пределах смертного мира. И потому цивилизация, которая мечтает о звёздах, должна оставить оружие позади. Только тогда она сможет войти в объятия Вселенной. Зрелая цивилизация найдёт в себе силы и не пойдёт на самоубийство. Она откажется от распрей, а значит и от оружия. Лишь тогда она станет достойной звёзд. Ведь Вселенная принимает только тех, кто пришёл к ней с миром. Вечность не терпит клинков. И тогда Вселенная распахнёт ей объятия. Она примет её в свой бесконечный круг, потому что только мир способен стать частью вечности.

– Поэтому, Кайо, я убеждён… я уверен, что никакого оружия против нас мы не увидим. – заключил капитан, вглядываясь куда-то в чёрную даль космоса.

Кайо слушал, не отрывая взгляда от капитана. В его глазах отражался тот же космос, в который смотрел Севал. Слова капитана звучали как пророчество, как закон, который не требует доказательств.

Кайо сказал тихо, его голос едва различался: – Если это так, капитан… значит, мы вступаем в пространство без врагов. Там остаёмся только мы и бескрайняя Вселенная.

Капитан Севал медленно кивнул, не отрывая взгляда от чёрной бездны: – Да, Кайо. И именно это – самое трудное испытание. Врагов нет. Есть только мы сами. Если мы при-

несём с собой оружие, мы станем врагами самим себе. Но если мы принесём доверие – Вселенная примет нас.

Алиса заговорила тихо, её голос прозвучал в тишине, словно мягкий аккорд: – Капитан, Вы – гениальный философ.

Капитан Лиран Севал слегка улыбнулся, но в его глазах не было ни гордости, ни самодовольства – лишь усталость человека, который слишком долго смотрел в бездну космоса.

Он сказал тихо, его голос дрожал, словно эхо далёких миров: – Нет, Алиса… Я не философ. Я всего лишь свидетель. Философы ищут истину в словах, а я – в руинах и звёздах. Вселенная сама говорит через меня: оружие не имеет права войти в вечность, а зрелость измеряется не силой, а отказом от распрей.

– Я сохранила ваш монолог в архив. Вы не против? Хотя… изменить уже ничего нельзя. – голос Алисы неожиданно стал по-детски озорным, словно она играла.

Капитан слегка повернул голову к Алисе, его взгляд оставался спокойным, но в нём мелькнула тень иронии. Он ответил негромко, словно сам факт её слов был частью неизбежного:

– Архив – это всего лишь память, Алиса. Он хранит слова, но не меняет судьбу. Я не против. Пусть мои мысли будут там, где их смогут услышать потомки. Ведь если ничего нельзя изменить, то остаётся лишь помнить. А память – это

тоже оружие, но оружие против забвения.

– Что тут происходит? Всё в порядке? Я что-то пропустила? – голос Наиры, которая пришла заступить на вахту, звучал тревожно и настороженно.

Капитан медленно повернулся к Наире. Его взгляд был спокоен, но в голосе чувствовалась твёрдость, словно он хотел сразу развеять её тревогу:

– Как же быстро иногда летит время. Кайо, твоя смена уже пришла. Давай в каюту отдыхать. Наира, у нас всё в порядке. Алиса включит тебе кое-что, когда мы с Кайо уйдём. А ты послушай наедине с космосом. Алиса, вот и пригодился архив.

Кайо слегка удивился, но послушно поднялся со своего места. Его глаза ещё блуждали по звёздному океану, словно он не хотел отрываться от мыслей капитана.

– Да, капитан… – тихо сказал он, и шаги его растворились в коридоре «Орионикса».

Наира всё ещё выглядела настороженной, но слова Севала звучали успокаивающе. Она кивнула, словно соглашаясь довериться капитану и Алисе.

Голограмма Алисы мерцнула, её голос прозвучал мягко и загадочно: – Я включу тебе запись, Наира. Принимай вахту.

Капитан поднялся медленно, словно каждая мысль, произнесённая им ранее, отняла часть сил. Его голос звучал устало, но в нём всё ещё оставалась твёрдость человека, который несёт ответственность за свой экипаж:

– Пожалуй, я тоже пойду отдохну, – сказал он, и шаги его растворились в коридоре «Орионикса».

В рубке воцарилась тишина. Наира осталась задумчивой, Алиса тихо готовила запись для неё, а звёзды за обзорным куполом мерцали, словно сами слушали всё, что было сказано.

* * *

– Орбита вокруг Кримсон «Е» рассчитана. Начинаю корректировку курса.

Голос Алисы звучал ровно и методично, словно сама ткань пространства откликалась на её слова.

Капитан Севал поднял взгляд от тактического дисплея.

– Мы вступаем в пределы новой тишины, – произнёс он, будто обращаясь не только к экипажу, но и к самой звезде. – Здесь каждый сигнал может быть посланием, каждое молчание – предупреждением.

Наира тихо коснулась интерфейса нейросети: – Алиса, синхронизируй мои импульсы с навигационным ядром. Я хочу чувствовать траекторию так же, как ты её вычисляешь.

Алиса ответила без паузы: – Синхронизация установлена. Ваши нейронные сигналы теперь отражают кривую орбиты.

В этот момент корабль «Орионикс» мягко дрогнул, словно огромная летающая тарелка скользнула по невидимой струне космоса. «Орионикс» плавно вошёл в орбитальный манёвр, оставляя за собой серебристый след энергии, словно подпись цивилизации, решившей бросить вызов звёздам.

Орбитальные датчики ожили, проецируя на голографические панели сияние планеты Кримсон «Е». Её поверхность мерцала зелёными и голубыми оттенками, словно сама атмосфера была соткана из живого света.

– Орбита стабилизирована, – сообщила Алиса, её голос был ровным, но в нём слышалось едва уловимое напряжение.

– Алиса, активируй углубленное сканирование атмосферы и поверхности планеты. Все данные выводи на мониторы, а так же архивируй для последующей передачи на Эдемис. – капитан пристально вглядывался в планету, которая медленно вращалась.

– Углублённое сканирование активировано, – ответила Алиса, её голос стал чуть ниже, словно отражая серьёзность момента. На центральных мониторах вспыхнули спектральные диаграммы, линии энергии и динамические карты.

На мостике каждый член экипажа всматривался в голографические панели, где оживали данные, словно сама планета раскрывала свои тайны.

– Атмосферный состав: азот – 24%, угарный газ – 68%, следы кислорода – 0,7%, – методично перечисляла Алиса. – Так же присутствуют серные и сероводородные соединения.

Цифры, которые озвучила Алиса, словно холодным эхом отразились в сознании экипажа.

Элиса нахмурилась, её голос дрогнул, словно в нём звучала тревога:

– Атмосфера этого мира смертельно опасна для привыч-

ных форм жизни. Угарный газ в таких концентрациях убивает. Но следы кислорода и органических соединений намекают на биологические процессы. Возможно, жизнь здесь научилась существовать в условиях, которые для нас враждебны.

Наира тихо добавила: – Но для Алисы эта атмосфера не преграда. Её сенсоры могут проникнуть глубже, чем мы способны физически. Возможно, именно она станет нашим проводником в этот мир.

Капитан медленно выдохнул, его глаза сверкнули решимостью:

– Мы знали, что путь за пределы Эдемиса будет труден. Но именно там, в чужих мирах, скрываются ответы. Алиса, продолжай сканирование поверхности.

– Вывожу голографическую модель поверхности, – сказала Алиса, и пространство перед экипажем озарилось мерцающими контурами планеты. На центральном пульте вспыхнула трёхмерная проекция планеты Кримсон «Е». Голографическая сфера медленно вращалась, открывая экипажу её поверхность.

– Поверхность разделена на три крупных материка и систему океанов, – методично комментировала Алиса. – Точнее, это не океаны в обычном представлении, это более низкие области поверхности. Северные регионы покрыты серыми плато, вероятно, вулканического происхождения.

Голографическая модель медленно вращалась, и каждый новый слой данных раскрывал перед экипажем всё больше подробностей.

– Южный материк демонстрирует признаки активной тектоники, – продолжала Алиса. – Вулканические поля и разломы создают сеть каналов, по которым, вероятно, циркулируют жидкие соединения.

Голографическая модель вспыхнула новыми слоями данных: сеть каналов на южном материке светилась багровыми линиями, словно сама планета изнутри дышала огнём.

– Температурные показатели указывают на наличие жидких серных соединений, – уточнила Алиса. – В некоторых областях фиксируются выбросы газов, формирующие плотные облачные массы.

Элиса всмотрелась в карту, её голос звучал сдержанно, но с явным интересом: – Если эти каналы заполнены жидкостью, то она может быть насыщена серными соединениями. Это создаёт экстремальную среду, но именно такие условия иногда порождают уникальные формы жизни.

– Кайо, Элиса, готовьтесь к выходу на поверхность. Алиса, запускай протокол посадки в южном регионе. Всем занять свои места! – голос капитана прозвучал твёрдо, и он поднялся, словно готовясь к решающему манёвру.

Звездолёт «Орионикс» дрогнул, словно откликнувшись на команду капитана. Внутри мостика загорелись сигнальные индикаторы, мягкий гул систем усилился – протокол по-

садки был запущен. Огни на панели управления вспыхнули ярче, и в корпусе корабля прокатилась низкая вибрация. «Орионикс» начал снижение.

– Вход в атмосферу через тридцать секунд, – ровно сообщила Алиса. – Антигравитационные поля стабилизированы, тепловая защита активна.

За обзорными экранами плотные облака Кримсон «Е» разверзлись, словно завеса, скрывающая тайну. Красноватый свет звезды преломлялся в серных туманах, окрашивая небеса в багрово-золотые оттенки. Корабль содрогнулся, обшивка заскрипела под натиском плотных слоёв атмосферы. Огненные вспышки пробежали по краям корпуса, но антигравитационные поля удерживали траекторию. «Орионикс» прорезал последние слои облаков, выходя на курс посадки. Внизу раскрывался южный материк – сеть каналов, мерцающих багровым светом, и странные структуры, возвышающиеся над серыми плато. Корабль мягко дрогнул, когда его антигравитационные поля начали снижать скорость. Атмосфера Кримсон «Е» встретила корабль плотными серными облаками, сквозь которые пробивался багровый свет звезды. Корпус вибрировал, но системы держали курс. За иллюминаторами вспыхивали огненные языки трения, превращая небеса в хаотическую симфонию света.

– Сопротивление в пределах нормы, – методично докладывала Алиса. – Траектория стабильна.

Капитан сжал подлокотники кресла, его взгляд был при-

кован к голографической модели посадочной зоны: – Держим курс. Экипаж, приготовиться к касанию.

«Орионикс» мягко коснулся поверхности планеты, антигравитационные поля погасили остаточную скорость. Внутри корабля воцарилась тишина, нарушаемая лишь ровным гулом систем.

– Посадка завершена, – сообщила Алиса, мерцая мягким светом. – Атмосфера токсична. Рекомендуется использовать полные экзокостюмы.

Кайо и Элиса уже стояли у шлюза, закрепив контейнеры для проб и проверив фильтры. Тонкий гул систем жизнеобеспечения напоминал о том, что за пределами корпуса «Орионикса» царила пустота. За их спинами мягко вспыхнули индикаторы – Алиса активировала протокол выхода. В динамиках раздался спокойный голос: «Шлюз готов к открытию. Внешняя среда соответствует параметрам допуска. Удачной экспедиции».

Элиса и Кайо переглянулись. В этот миг они были не просто учёными – они становились первыми свидетелями неизведанного мира за пределами Эдемиса.

– Будьте осторожны! – в шлемофонах Кайо и Элисы звучал голос капитана. – Элиса, пожалуйста без самодеятельности… я тебя знаю. Иначе это будет твой последний выход из «Орионикса», не считая, конечно, возвращения на Эдемис. Кайо, присматривай за ней. Ты за старшего. У вас два часа. Удачи! – Голос капитана Лирана Севала прозвучал твёрдо,

но с оттенком заботы.

Элиса невольно усмехнулась под шлемом – он всегда считал её склонной к импровизации. Внутри неё смешались лёгкая досада и тёплое чувство: капитан Лиран знал её слишком хорошо, чтобы не предвидеть внезапных решений. Ещё будучи студенткой Элиса была заводилой. Она умела увлечь людей, превращая скучные лекции в живые дискуссии, а практикумы – в маленькие приключения. Её любопытство не знало границ: то она тайком пробиралась в лабораторию, чтобы проверить гипотезу о поведении микроорганизмов в изменённой гравитации, то организовывала экспедицию на заброшенные карстовые пещеры, где искала редкие формы жизни. Преподаватели ворчали, но тайно восхищались её энергией. Однокурсники следовали за ней не потому, что она требовала, а потому, что рядом с ней всегда было ощущение открытия. Элиса умела видеть в каждом явлении загадку, а в каждом человеке союзника. И теперь, стоя у шлюза «Орионикса», она чувствовала то же самое: впереди – неизвестность, но именно она и была её стихией.

Кайо кивнул, хотя капитан не мог этого видеть: – Принято, капитан. Два часа – и мы вернёмся с результатами.

Шлюз окончательно раскрылся, и перед ними раскинулась безмолвная панорама. Южный материк лежал внизу,

словно чужая картина, написанная огнём и тенью. Сеть каналов, мерцающих багровым светом, пересекала серые плато, будто вены живого организма. Странные структуры – башнеобразные, изломанные, словно выросшие из самой породы – возвышались над равнинами, отбрасывая длинные тени в багровом сиянии. Вулканические поля и разломы образовывали сложный лабиринт, по которому, вероятно, циркулировали соединения – густые, вязкие, словно кровь планеты. Элиса задержала дыхание, наблюдая, как в некоторых областях внезапные выбросы газов поднимали плотные облачные массы, окрашенные в оттенки пурпура и серого. Кайо включил сканеры, и приборы зафиксировали колебания состава атмосферы – смесь сернистых соединений и неизвестных элементов.

«Орионикс» стоял посреди небольшого плато, словно чужеродный символ среди сурового ландшафта. Его серебристый корпус отражал багровые отблески каналов, тянущихся вдаль, а антигравитационные стабилизаторы тихо гудели, удерживая корабль в равновесии над неровной поверхностью. Вокруг простиралась пустынная равнина, испещ-

рённая трещинами и разломами. Странные башнеобразные структуры возвышались неподалёку, словно стражи древнего мира. Экипаж наблюдал за этим зрелищем через обзорные панели. Капитан стоял неподвижно, словно философ перед загадкой Вселенной. Его взгляд был устремлён вдаль, туда, где багровые каналы пересекали серые плато, а башнеобразные структуры возвышались, будто древние монументы.

Из шлюза на поверхность осторожно ступили две фигуры. Их шаги были медленными и выверенными – каждый сантиметр чужой почвы мог таить опасность. Серые породы плато под ногами казались сухими и хрупкими, но время от времени из трещин вырывались тонкие струи газа, окрашивая воздух в багровые оттенки.

Элиса шла первой, её сенсоры фиксировали химический состав атмосферы и слабые биологические колебания. Кайо следовал рядом, держа в руках контейнер для проб и внимательно наблюдая за показаниями сканеров. Их силуэты, освещённые отражённым светом звезды, выглядели как тени первооткрывателей, ступивших туда, где ещё не звучало ни одно человеческое слово. Вдалеке возвышались башнеобразные структуры, их поверхность мерцала в багровом сиянии каналов. Кайо направился к одной из структур, его шаги гулко отдавались по каменистой поверхности плато. Элиса держалась на расстоянии двух шагов позади. Её движения были осторожными, но в глазах горел тот самый огонь любопытства, который капитан Лиран всегда считал её слабостью

и силой одновременно. Она наблюдала, как Кайо приближается к башне, и чувствовала, будто сама планета следит за ними. Поверхность структуры мерцала багровыми отблесками, словно реагируя на присутствие людей.

И когда они, наконец, достигли одну из структур, Кайо, проведя рукой по её поверхности, с разочарованием произнёс: – «Нет, ничего… просто мёртвый камень».

Элиса нахмурилась. Она не могла поверить, что столь величественная башня – лишь пустая оболочка.

Кайо склонился, доставая из контейнера инструменты для отбора проб. Металлический резонатор мягко коснулся поверхности башни, и тонкий слой породы отделился с лёгким треском. Элиса наблюдала, как он аккуратно помещает образцы в герметичные капсулы, каждая из которых автоматически фиксировала параметры: температуру, плотность, химический состав.

– Я возьму образцы породы. Более детально изучим на „Орионикссе“, – произнёс Кайо, его голос звучал спокойно, но в глазах отражалось напряжение. Он поднял взгляд на башню, но покачал головой: – Пока это просто камень. Но если внутри есть что-то большее – мы узнаем в лаборатории.

– Если эта башня не рукотворная, то природа – это гениальный скульптор , – думал Кайо, проводя ладонью по холодной поверхности. Его мысли текли медленно, словно отражая величие того, что стояло перед ними. Каждая трещина, каждый изгиб башни казался продуманным, будто создан-

ным не случайностью, а замыслом.

Элиса, стоявшая позади, уловила в его голосе оттенок сомнения: – А если всё же рукотворная? Тогда мы имеем дело с цивилизацией, которая умела работать с самой материей планеты.

Кайо поднял взгляд на вершину башни, теряющуюся в багровом тумане: – В любом случае… это искусство. Либо природы, либо разума. И то, и другое достойно уважения.

– У вас остаётся немного времени. Продолжайте отбор проб. Через тридцать минут начинайте движение к „Орионикcу“, – голос капитана звучал твёрдо, но в нём чувствовалась забота. Он внимательно наблюдал за двумя фигурами по ту сторону обшивки корабля. Элиса и Кайо выглядели как тени первооткрывателей, шагавших по чужой планете, где каждый камень мог хранить тайну. Их силуэты терялись в багровом тумане, а башнеобразные структуры возвышались над ними, словно древние стражи.

Элиса склонилась над образцом, её руки двигались быстро и уверенно. Кайо проверял показания сканеров, фиксируя малейшие изменения энергетического фона. В их движениях чувствовалась сдержанная спешка – они знали, что время ограничено, но и понимали: каждая секунда здесь могла стать решающей.

Элиса и Кайо ещё какое-то время то шли, то склонялись для взятия проб, пока в шлемофонах не прозвучал заботливый голос Алисы: «Возвращайтесь. Ресурс ваших защитных

экзокостюмов составляет 42%. Расчётный остаток по прибытии на „Орионикс“ – 27%. Не рекомендуется использование ниже 25%.»

Элиса выпрямилась, тяжело вздохнув: – Она права. Мы уже собрали достаточно материала. Если задержимся, рискуем остаться без защиты.

Кайо оглянулся на башню, словно не желая уходить: – Я бы хотел ещё один анализ… но ладно. Лучше вернёмся живыми.

Они обменялись коротким взглядом – смесью сожаления и решимости. Собранные капсулы с образцами тихо звякнули в контейнере, когда Кайо закрепил их на поясе. Элиса включила навигацию, и на визоре проступила линия маршрута обратно к «Орионикcу». В багровом тумане башни казались ещё более загадочными, словно наблюдали за их уходом. Алиса вновь напомнила ровным голосом: «До безопасного уровня ресурса – 15 минут. Рекомендую ускорить шаг».

Элиса и Кайо двинулись прочь от структур, чувствуя, что оставляют за спиной не просто камни, а тайну, которая ждёт своего часа, чтобы раскрыться. Из клубов газов и тумана проступил силуэт «Орионикса». Он выглядел величественно и одновременно чуждо – словно стальной призрак, возникший среди багровых облаков. Серебристый корпус отражал слабые отблески каналов, а навигационные огни пробивались сквозь плотную завесу, обозначая путь домой. Элиса замедлила шаг, её сердце наполнилось странным чувством: об-

легчение от близости корабля и сожаление о том, что они покидают башни, не успев разгадать их тайну. Кайо, напротив, шагал уверенно, держа контейнер с пробами крепко прижатым к груди – для него возвращение означало начало настоящей работы.

В шлемофонах вновь прозвучал голос Алисы: «Расчётный остаток ресурса экзокостюмов – 26%. Возвращение на „Орионикс“ в пределах допустимого уровня. Добро пожаловать домой».

Башни остались позади, скрытые в багровом мареве, но казалось, что их узоры продолжают наблюдать за людьми, уходящими прочь. А впереди, сквозь туман, сиял силуэт корабля – их единственная связь с безопасностью и с Эдемисом.

Элиса первой зашла в шлюз. За ней последовал Кайо. Дверь медленно сомкнулась, и гул внешней атмосферы сменился ровным шипением системы герметизации. Световые индикаторы загорелись зелёным, подтверждая безопасность. Элиса сняла шлем, её волосы слегка прилипли к вискам от напряжения. Она глубоко вдохнула – воздух «Орионикса» казался удивительно чистым после багрового тумана плато. Кайо аккуратно поставил контейнер с пробами на платформу, словно это был драгоценный груз. В динамиках раздался голос капитана Лирана Севала: – «Добро пожаловать обратно. Вы справились ».

Элиса устало улыбнулась, но в её глазах всё ещё горел

огонь любопытства: – Капитан, эти башни… они не мёртвые. Я чувствовала отклик.

– Ни сколько в этом не сомневаюсь, Элиса, учитывая твой характер. Тебе будет чем заняться в лаборатории в свободное от вахты время, – голос капитана звучал заботливо, но с оттенком иронии.

Он был доволен результатами выхода на поверхность: образцы собраны, экипаж вернулся целым, а «Орионикс» вновь стал их убежищем среди чужой планеты. Лиран позволил себе редкую улыбку. Он знал, что именно такие моменты укрепляют команду и делают экспедицию значимой.

Элиса, снимая перчатки экзокостюма, усмехнулась: – Я только этого и ждала. Эти породы – не просто камень. Я уверена, они хранят больше, чем мы думаем.

* * *

Капитан уверенно шагнул к командному креслу, его шаги отдавались гулким эхом по металлическому полу «Орионикса». В рубке царила тишина, нарушаемая лишь мягким гулом реактора и мерцанием голографических панелей.

– Алиса, активируй протокол подготовки корабля к взлёту и выходу на орбиту Кримсон «Е», – произнёс он, голосом, в котором звучала привычная решимость ветерана экспедиций.

Внутри рубки вспыхнули мягкие огни интерфейсов. Голос Алисы, чистый и лишённый эмоций, но всё же обладающий оттенком спокойного присутствия, раздался из акусти-

ческих панелей: – Протокол запуска инициирован. Системы энергопитания переходят в режим синтеза. Антигравитационный генератор – стабилен. Курсовые поля – синхронизированы.

В этот миг рубка «Орионикса» словно ожила. Голографические панели окрасились в мягкие оттенки зелёного и синего, отражая стабильность систем. По стенам пробежали тонкие линии световых индикаторов, будто сосуды, по которым текла энергия самого корабля. Лиран слегка наклонил голову, прислушиваясь к голосу Алисы – ровному, но наполненному едва уловимым оттенком уверенности. Он знал: когда ИИ говорит таким тоном, значит, всё идёт идеально.

Наира, сидевшая у консоли нейросетевых связей, наблюдала, как по голографическим экранам пробегают потоки данных: – Алиса, интеграция с навигационным ядром завершена.

Голографические экраны вспыхнули мягким сиянием, словно живые ткани, по которым текли потоки энергии и информации. Линии данных переплетались в сложные узоры, образуя карту будущего пути. Алиса ответила ровным, но почти торжественным голосом, раздавшимся из акустических панелей: – Интеграция подтверждена. Навигационное ядро синхронизировано. Курс на орбиту Кримсон «Е» готов к активации.

Наира слегка улыбнулась, её пальцы всё ещё скользили по консолям, словно дирижируя симфонией цифровых по-

токов. Она знала: теперь корабль и его ИИ стали единым организмом, готовым к прыжку сквозь пространство.

Тарек провёл рукой по панели управления реактором. В ответ на его касание в воздухе возникла проекция – миниатюрная модель «Орионикса», окружённая сияющими потоками энергии.

– Реактор работает на пределе оптимума. Мы можем выйти на орбиту Кримсон «Е» без отклонений, – сказал он, сдерживая улыбку. Голографическая модель корабля вращалась в воздухе, словно живой символ их готовности. Потоки энергии, сияющие вокруг миниатюрного «Орионикса», напоминали спирали космоса, в которых они вскоре окажутся.

Капитан опустился в кресло, положив ладонь на сенсор управления.

– Экипаж, приготовиться. – скомандовал он.

В рубке воцарилась напряжённая тишина, словно сам космос прислушивался к словам капитана. Сенсор под ладонью Лирана вспыхнул мягким светом, и по корпусу «Орионикса» пробежала едва ощутимая вибрация – знак того, что корабль отозвался на команду.

Алиса заговорила ровным, но наполненным оттенком торжественности голосом: – Все системы в режиме готовности. Энергетический синтез стабилен. Антигравитационные поля удерживают курс. Навигационное ядро синхронизировано.

И корабль, словно живой организм, отозвался: корпус задрожал, антигравитационные поля вспыхнули, и «Ори-

оникс» начал плавный подъём. Корпус дрожал, будто в такт сердцебиению невидимого титана. Поверхность планеты задрожала под мощным импульсом антигравитационных полей. «Орионикс» медленно отрывался от мягкой почвы Кримсон «Е», оставляя за собой лишь лёгкое свечение, будто сама планета не хотела отпускать пришельцев.

Голос Алисы прозвучал ровно, но торжественно: – Протокол взлёта активирован. Реактор работает стабильно. Курсовые поля синхронизированы. Подъём начат.

Тарек, сидя за пультом управления, наблюдал, как показатели мощности плавно растут.

– Мы покидаем атмосферу. Скорость выхода оптимальна, – сказал он, и его голос звучал уверенно.

Через обзорный купол экипаж видел, как небеса Кримсон «Е» меняют цвет: густая дымка атмосферы постепенно уступала место чёрному бархату космоса. Поверхность планеты отдалялась, превращаясь в величественный шар, окутанный облаками.

Верена, глядя на спектральные диаграммы, тихо произнесла: – Атмосфера позади. Мы вышли в космос. Орбитальная траектория стабилизирована.

Наира проверила связь между Алисой и навигационным ядром: – Интеграция завершена. «Орионикс» удерживает орбиту.

Капитан, опустив ладонь на сенсор кресла, произнёс слова, которые стали символом нового этапа их путешествия: – Экипаж, мы покинули поверхность Кримсон «E». Добро пожаловать на её орбиту. Следующая цель – Кримсон «F».

Корабль скользил по орбитальной дуге. Под ними сияла планета, словно драгоценный камень в ожерелье системы Кримсон . Орбитальный полёт был тихим и торжественным. «Орионикс» словно растворился в космосе, его корпус отражал слабое сияние красного карлика Кримсон, а под ним раскинулась планета – Кримсон «E»,как изумруд в чёрном бархате Вселенной.

– Алиса, расчитай полёт к Кримсон «F» и выход на её орбиту. – произнёс капитан.

Экипаж «Орионикса» готовился к следующему этапу экспедиции. Алиса активировала навигационные алгоритмы, и в рубке вспыхнула голографическая карта системы. Она сияла в воздухе, словно ожившая миниатюра космоса. Семь планет вращались вокруг красного карлика, каждая оставляя за собой тонкий след света. Кримсон «F» выделялась холодным отблеском – мир, окутанный ледяными океанами и загадочной атмосферой. «Орионикс» скользил по орбитальной дуге, словно хищная птица, готовая сорваться в полёт.

Алиса заговорила ровным, но торжественным голосом, её силуэт мерцал: – Траектория рассчитана. Время перехода – шесть часов. Курсовые поля готовы. Реактор стабилен. Среднее расстояние между орбитами – девять миллионов двести

тысяч километров. Значение изменяется в зависимости от фаз вращения. Манёвр межпланетного перелёта активирован. Траектория – эллиптическая. Аналог манёвра Гомана, адаптированного для антигравитационных систем.

Антигравитационные поля вспыхнули мягким светом, и корпус «Орионикса» дрогнул, словно готовясь к прыжку. Реактор усилил синтез, выпуская потоки энергии, которые закручивались вокруг корабля сияющими спиралями.

Тарек, наблюдая за проекцией, сказал сдержанно: – Мы скользим по дуге, как по невидимой реке. Всё идёт идеально.

Верена добавила, глядя на спектры: – Эта траектория позволит нам выйти на орбиту Кримсон «F» с минимальными затратами энергии.

Капитан, положив ладонь на сенсор кресла, произнёс твёрдо: – Экипаж, держим курс. «Орионикс» следует по эллиптической дуге. Впереди – Кримсон «F».

И корабль, словно живой организм, отозвался: корпус задрожал, звёзды за обзорным куполом вытянулись в серебристые линии, а «Орионикс» плавно скользнул по межпланетной траектории, соединяющей два мира – тёплый и холодный, таинственный.

Алиса продолжала ровным голосом: – Время перелёта – от пяти до семи чаов. Энергетический синтез стабилен. Антигравитационные ускорители готовы к работе. Энергозатраты минимальные. Курсовые генераторы полей компенсируют гравитационные возмущения. Траектория остаётся

устойчивой.

Наира наблюдала за потоками информации, её пальцы скользили по консолям, словно дирижируя симфонией цифровых узоров.

– Гравитационные колебания сглажены. Мы движемся по траектории без лишних затрат энергии, – подтвердила она.

Тарек усмехнулся, глядя на показатели реактора: – Реактор работает в оптимальном режиме. Мы словно скользим по невидимой реке, и космос сам ведёт нас вперёд.

Капитан произнёс твёрдо: – Это и есть сила «Орионикса». Мы идём навстречу с Кримсон «F», используя энергию так, будто сам космос помогает нам.

Корпус «Орионикса» дрожал в ритме космоса, словно чувствовал невидимую дугу, по которой его вёл гравитационный танец. Эллиптическая траектория, рассчитанная Алиской, сияла на голографической карте рубки – тонкая линия света, соединяющая два мира. За обзорным куполом звёзды медленно смещались, образуя величественный фон. Корабль скользил плавно, будто по невидимой реке, где каждая капля энергии была использована идеально.

Алиса озвучила данные ровным голосом: – Эллиптическая траектория стабилизирована. Курсовые поля компенсируют возмущения. Время до коррекции – два часа.

В рубке царила сосредоточенная тишина, нарушаемая лишь мягким гулом реактора и мерцанием голографических экранов. «Орионикс» скользил по межпланетной дуге, а за

обзорным куполом раскрывался величественный космос – звёзды, словно россыпь драгоценных камней, и тонкие линии света, оставленные планетами системы Кримсон.

Тарек остался на вахте. Его руки уверенно лежали на панели управления, взгляд скользил по показателям реактора и курсовых полей. В свете голографических проекций его лицо казалось сосредоточенным и спокойным – он был стражем этого межпланетного пути.

Алиса мягко напоминала: – Все системы стабильны. Следующая коррекция курса через два часа.

Тарек кивнул, не отрываясь от экранов: – Принято. Я останусь на посту. Пусть экипаж отдыхает – «Орионикс» под надёжным контролем.

За обзорным куполом медленно проступал холодный отблеск Кримсон «F». Планета ещё была далека, но её ледяное сияние уже пробивалось сквозь космическую тьму. Её холодный свет постепенно становился ярче, словно сама планета поднималась из глубин космоса, открываясь взгляду экипажа. За обзорным куполом её сияние пробивалось сквозь мрак межпланетного пространства – мягкое, голубовато-серое, будто отражение ледяных океанов, скрытых под поверхностью. И вахта Тарека стала мостом между покоем экипажа и величественным молчанием космоса – он был тем, кто держал руку на пульсе корабля, пока «Орионикс» шёл навстречу новому миру. «Орионикс» скользил по межпланетной дуге, а Тарек, оставшийся на вахте, сидел неподвижно,

словно страж, чутко прислушивающийся к каждому колебанию корпуса. Голографические панели отражали его сосредоточенный взгляд: линии траектории, показатели реактора, пульс курсовых полей – всё было под его контролем. Он чувствовал, как корабль живёт, как дышит, и его руки лежали на сенсорах так, будто он держал сердце «Орионикса» в ладонях. За обзорным куполом космос раскрывался величественным молчанием. Холодный отблеск Кримсон «F» становился всё ярче, пробиваясь сквозь тьму, словно маяк, зовущий к себе. Экипаж отдыхал.

Корпус «Орионикса» дрогнул, когда антигравитационные поля сменили направление. Мягкое свечение окутало корабль, словно невидимая рука космоса удерживала его, замедляя стремительный бег. Свет внутри рубки стал чуть ярче. «Орионикс» словно погрузился в невидимую реку, где течение само удерживало его, позволяя мягко сбавить ход. За обзорным куполом холодное сияние Кримсон «F» приближалось всё явственнее, очертания планеты проступали сквозь космическую тьму, как ледяной маяк, зовущий к себе. За обзорным куполом звёзды перестали вытягиваться в серебристые линии – они вновь обрели чёткие очертания, а впереди холодное сияние становилось всё ближе и яснее.

Алиса озвучила данные ровным голосом: – Обратный импульс активирован. Скорость снижается. Траектория выхода на орбиту стабилизирована.

Тарек, оставаясь на вахте, проверил показатели реактора:

– Энергия распределяется равномерно. Мы мягко входим в орбитальный режим.

Корпус «Орионикса» дрогнул в последний раз, когда антигравитационные поля мягко погасили остаточную скорость. Манёвр завершился – корабль словно вплёлся в ритм планеты, став частью её невидимой орбитальной симфонии. За обзорным куполом планета раскрывалась во всей своей ледяной красоте. Голубоватые отблески отражались от замёрзших океанов, а тонкие облачные слои сияли, словно серебристые вуали, подсвеченные светом красного карлика. Планета вращалась медленно и величественно, будто сама музыка космоса воплотилась в её движении.

Алиса озвучила данные: – Орбита стабилизирована. Курсовые поля удерживают позицию. Все системы работают в норме.

«Орионикс» стабилизировался на орбите Кримсон «F», и теперь настал момент общего собрания. Экипаж один за другим занял свои места: Капитан Лиран Севал стоял у центрального пульта, его взгляд был твёрд и сосредоточен. Он словно дирижировал невидимой симфонией, где каждая система корабля звучала в унисон. Тарек, только что завершивший вахту, остался рядом с навигационным блоком. Его руки уверенно лежали на панели, он был готов к любому манёвру. Верена развернула спектральные диаграммы на голографическом экране, её глаза блестели от предвкушения научных открытий. Элиса сидела ближе к обзорному куполу,

не отрывая взгляда от ледяного сияния планеты. Её мысли были о скрытых океанах и возможной жизни. Кайо задумчиво листал архивы, сопоставляя данные с древними гипотезами о цивилизациях. Наира управляла потоками информации, её пальцы скользили по сенсорам, словно дирижируя цифровым оркестром.

Алиса, голос корабля, озвучила: – Экипаж собран. Все системы работают в норме. Мы готовы к первому этапу исследования.

Капитан Лиран поднял руку, и рубка наполнилась его твёрдым голосом: – Мы прибыли. Теперь начинается самое важное – исследование нового мира.

Верена, глядя на спектральные диаграммы, озвучила данные: – Мы фиксируем соединения фтора в атмосфере. Это необычно. Химический состав отличается от известных нам привычных моделей.

Элиса, глаза её блестели от восторга, тихо произнесла: – Фтор… если жизнь здесь существует, она может быть построена на иной основе. Не кислород, а фтор – это шанс увидеть совершенно новую биосферу.

Она подошла ближе к голографической проекции планеты, где ледяные океаны мерцали голубым светом: – Представьте себе организмы, чьи дыхательные процессы основаны на фторе. Их биохимия будет иной, их эволюция – уникальной. Это может стать величайшим открытием в истории науки.

Капитан кивнул, его голос прозвучал твёрдо: – Экипаж, готовьтесь. Мы должны исследовать этот мир. Кримсон «F» может показать нам, что жизнь во Вселенной гораздо разнообразнее, чем мы могли представить.

«Орионикс» застыл на орбите, словно страж, наблюдающий за ледяной планетой, которая хранила в себе тайну – возможно, первую встречу с жизнью, построенной на фторе. Рубка управления наполнилась тишиной, в которой чувствовалось напряжённое ожидание. Экипаж смотрел на холодное сияние планеты, и каждый понимал: они стоят на пороге открытия, которое может изменить представление человечества о самой сути жизни.

Элиса тихо произнесла, словно обращаясь не только к людям, но и к самой планете: – Если здесь есть жизнь, она будет иной. Мы должны быть готовы встретить её не как исследователи, а как свидетели чуда.

Верена добавила, глядя на спектры: – Фторная биосфера… её дыхание оставляет следы в льдах. Мы видим узоры, словно письмена. Может быть, это язык планеты.

Корабль, словно живой организм, продолжал скользить по орбитальной дуге, наблюдая за планетой, которая хранила в себе тайну – возможно, первую встречу человечества с жизнью, построенной на фторе.

– Алиса, запускай протокол посадки на равнинную поверхность. Начало – по готовности всех систем. – капитан произнёс это твёрдо, не отрывая взгляда от планеты, словно

пытаясь проникнуть в её тайну.

– Протокол загружен, сканирую системы. – отозвалась Алиса.

Корабль медленно снижался, словно осторожно касаясь дыхания чужого мира. Антигравитационные поля мягко удерживали траекторию, гася остаточную скорость. За обзорным куполом ледяная поверхность планеты приближалась – бело-голубая, переливающаяся отражениями слабого света красного карлика. Посадочный модуль «Орионикса» дрогнул, когда опоры раскрылись, готовясь коснуться чужой поверхности. Внутри рубки царила напряжённая тишина – каждый вдох экипажа был синхронизирован с мягким гулом систем. За обзорным куполом ледяная равнина раскрывалась всё шире: бело-голубые пласты льда переливались, словно живые кристаллы, отражая слабое сияние красного карлика. Казалось, что сама планета дышит в такт кораблю, принимая его приближение.

Алиса ровным голосом озвучивала параметры: – Высота снижается. Атмосферное сопротивление минимальное. Курсовые поля стабилизированы.

Тарек держал руку на навигационном блоке: – Импульс корректирован. Мы идём точно к точке посадки.

Верена следила за спектрами: – Фториды фиксируются в атмосфере. Мы войдём в зону, где поверхность может быть покрыта кристаллическими образованиями.

Элиса не отрывала взгляда от голографической проекции:

– Подо льдами – жизнь. Мы должны быть готовы встретить её.

Когда посадочные опоры раскрылись, «Орионикс» мягко коснулся ледяной равнины. Корпус дрогнул, но тут же успокоился – корабль стал частью планеты, словно гость, которому позволили войти. За пределами обзорного купола раскинулась чуждая красота: ледяная равнина простиралась до горизонта, переливаясь голубыми и серебристыми оттенками. Кристаллы фторидов мерцали в свете красного карлика, словно сама поверхность планеты была покрыта узорами дыхания её биосферы.

Голограмма Алисы ожила: – Посадка завершена. Все системы стабилизированы. Внешняя температура – минус 20 градусов. Атмосфера содержит фторсодержащие соединения.

Элиса, глядя на проекции, произнесла с трепетом: – Мы стоим на пороге встречи с иной жизнью. Этот мир принял нас.

Капитан поднялся и сказал твёрдо: – Экипаж, готовьтесь к выходу. Сегодня мы сделаем первый шаг на поверхность.

И «Орионикс», застылший на ледяной равнине, словно страж, стал точкой соединения двух миров – человеческого и чужого, готовых встретиться лицом к лицу. Экипаж смотрел на проекции внешней среды: ледяная равнина простиралась до горизонта, переливаясь голубыми и серебристыми оттенками. Казалось, что сама планета прислушивается к присут-

ствию «Орионикса».

– Кайо, Элиса, Верена готовьтесь к выходу на поверхность. Алиса, проверь экзокостюмы. – сказал капитан, вглядываясь вдаль иного мира. Он стоял у обзорного купола «Орионикса».

В шлюзовой камере царила рабочая обстановка. Кайо проверял набор инструментов: спектральные сканеры, портативные дроны-разведчики и архиватор данных. Его руки двигались быстро, но глаза горели любопытством – он ждал встречи с неизвестным. Кайо закончил проверку и аккуратно уложил инструменты в контейнер, закрепив его на магнитных креплениях экзокостюма. В шлюзовой камере слышался ровный гул систем жизнеобеспечения, а за прозрачным иллюминатором мерцала поверхность чужой планеты.

Элиса, наблюдая за ним, усмехнулась: – «Ты выглядишь так, будто идёшь на свидание с тайной».

Кайо ответил, не отрывая взгляда от приборов: – В каком-то смысле так и есть. Каждая планета – это загадка, и я хочу услышать её историю.

Элиса закрепляла биосканеры на своём экзокостюме, проверяла фильтры дыхания и систему жизнеобеспечения. Она улыбнулась: «Если здесь есть жизнь, мы её почувствуем первыми». Элиса закончила настройку биосканеров и слегка коснулась шлема, проверяя герметичность. В её голосе звучала уверенность, но глаза блестели от предвкушения.

Кайо, наблюдая за ней, усмехнулся: – Ты всегда так гово-

ришь, будто сама зовёшь жизнь к себе.

Элиса ответила спокойно, но с огоньком: – А может, так и есть. Иногда достаточно просто быть готовым услышать.

Верена настраивала спектроанализатор и лингвистический модуль, готовая ловить любые сигналы – от вибраций до световых импульсов. Она аккуратно провела пальцами по панели прибора, проверяя чувствительность датчиков. На экране спектроанализатора вспыхивали линии – слабые колебания атмосферы планеты, словно она сама пыталась что-то сказать. Она тихо произнесла, больше для себя: – Каждый мир имеет свой голос. Нужно лишь научиться его слушать.

Кайо, наблюдая за её настройкой, добавил: – Если эти кристаллы действительно разумны, твой модуль может стать нашим переводчиком.

Элиса улыбнулась, закрепляя последний биосканер: – А может, они заговорят с нами через свет. Тогда твоя работа станет первой попыткой диалога.

Голос Алисы мягко прозвучал в их шлемах: – Все системы экзокостюмов активны. Герметичность подтверждена. Внешняя температура – минус 12 градусов. Рекомендую ограничить время выхода до трёх часов.

Шлюзовая камера наполнилась ровным гулом механизмов, и слова Алисы словно растворились в холодном воздухе ожидания. Кайо, Элиса и Верена переглянулись – каждый ощутил лёгкое напряжение, но и предвкушение. Кайо крепче

сжал контейнер с инструментами, его глаза блестели азартом исследователя. Элиса поправила биосканеры и улыбнулась, будто сама была готова встретить жизнь лицом к лицу. Верена подняла спектроанализатор, её пальцы уверенно скользили по настройкам, ловя первые колебания атмосферы.

Капитан Лиран, наблюдая за ними, произнёс тихо, но твёрдо: – Помните, мы идём навстречу неизвестному. Доверяйте друг другу и слушайте этот мир. Элиса…не забывай наш разговор перед первым выходом. – его взгляд был строгим, но в глубине чувствовалась надежда. Вскоре шлюз откроется, и они сделают первый шаг навстречу чужому миру.

– Я помню.– отозвалась Элиса. Её глаза блестели от предвкушения открытий.

С глухим шипением шлюзовые двери начали расходиться. Поток холодного воздуха ударил в костюмы, и за порогом открылась равнина Кримсон «F»: кристаллы мерцали в красном свете родительской звезды, словно сама планета приветствовала гостей. Экипаж сделал шаг вперёд и впервые оказался на поверхности чужого мира. Перед ними раскрывался ландшафт, где сама природа была формой жизни – кристаллической, холодной, но удивительно красивой. Поверхность простиралась до горизонта, словно бескрайнее поле из живого стекла. Полупрозрачные кристаллы тянулись вверх, как трава, но их грани мерцали зелёно-голубыми оттенками, отражая красный свет звезды. При каждом порыве ветра они издавали тихий звон, будто планета сама играла музыку.

Каждый шаг экипажа оставлял за собой мягкий след света, словно равнина сама отмечала их присутствие. Кристаллы под ногами вспыхивали зелёно-голубыми искрами, и свечение постепенно складывалось в узоры, похожие на пульсирующие волны, расходящиеся от их шагов. Ветер заставлял кристаллы звенеть, создавая мелодию, похожую на музыку из стекла. Звук был тонким и чистым, словно тысячи невидимых колокольчиков зазвенели одновременно. Ветер проходил сквозь кристаллы, и каждый из них отзывался своим тоном, складываясь в гармонию, похожую на музыку из стекла. Звон усиливался, превращаясь в переливчатую симфонию. Казалось, что сама планета приветствует их, а кристаллы – это её язык, её музыка, её способ общения.

Горы выглядели как величественные шпили, устремлённые в небо. Они не были каменными, их тела состояли из кристаллических массивов, прозрачных и переливающихся, словно застывшие реки света. Шпили тянулись вверх на сотни метров, их грани преломляли красное сияние Кримсон, превращая горы в маяки, видимые за десятки километров. Они возвышались над равниной, словно гигантские органные трубы, устремлённые в небо. Их грани сияли, преломляя красный свет и, казалось, будто сами горы стали маяками, освещающими путь в холодной пустоте. На горизонте шпили мерцали, создавая иллюзию световых волн. Внутри некоторых шпилей ощущались глубокие вибрации, похожие на гул органа. Казалось, что это не просто геология, а живые

структуры – «нервы» планеты, проводящие энергию сквозь её тело. Когда ветер проходил сквозь узкие трещины, шпили начинали петь – их звуки складывались в низкую гармонию, дополняя звон равнинных кристаллов. Звук был величественным и глубоким, словно сама планета играла на гигантском музыкальном инструменте. Узкие трещины в шпилях превращались в резонаторы, и каждый порыв ветра рождал новые тона. Эта низкая гармония переплеталась со звоном равнинных кристаллов, создавая ощущение огромного оркестра, где земля и воздух звучали вместе. Музыка была не случайной – ритмы повторялись, словно в ней скрывался порядок, возможно, послание. Горы пели, равнины звенели, и всё пространство вокруг превращалось в живую симфонию

Ночью ландшафт преображался. Кристаллические шпили, днём сиявшие отражённым красным светом звезды, теперь начинали светиться изнутри мягким голубым сиянием. Казалось, что в их прозрачных телах текут потоки энергии, словно живые сосуды, соединяющие глубины планеты с небом. Световые импульсы пробегали по граням шпилей, складываясь в ритмичные узоры, будто это были нервные сигналы планеты. Вибрации внутри усиливались, и низкий гул становился похожим на дыхание – равномерное, спокойное, но мощное.

Небо над ними было затянуто фторными облаками, и голубое свечение шпилей отражалось в них, создавая иллюзию, что башни действительно соединяют землю и небеса.

Оно казалось живым полотном: фторные облака медленно перекатывались, меняя оттенки от серебристого до глубокого синего. Голубое свечение шпилей отражалось в их плотных слоях.

Моря выглядели как живые зеркала, наполненные чуждой, но завораживающей химией. Океаны состояли из жидких фторуглеродов – вязких и прозрачных, словно густое стекло. В их глубинах мерцало мягкое голубое свечение, будто сама жидкость хранила энергию планеты. Поверхность моря иногда вспыхивала световыми узорами: волны складывались в сияющие фразы, словно океан разговаривал с небом. Эти импульсы отражались в облаках, создавая впечатление диалога между водой и атмосферой. На мелководье тянулись «кристаллические кораллы» – сложные структуры, образующие лабиринты. Их грани переливались, а внутри слышался тихий звон, будто кораллы были музыкальными инструментами, реагирующими на движение воды. Там раскинулись целые леса «кристаллических кораллов», их переплетённые структуры образовывали лабиринты, уходящие в глубину, словно загадочные дворцы. Грани кораллов переливались зелёно-голубыми оттенками, отражая свет звезды и мягкое свечение океана. Каждое движение воды вызывало тихий звон – кораллы отзывались, как музыкальные инструменты, создавая хрупкую симфонию. Иногда звуки складывались в ритмичные последовательности, будто сами лабиринты пытались говорить. В глубине кораллового леса зву-

ки становились всё сложнее, превращаясь в гармонию, похожую на песнь. Казалось, что океан и кораллы вместе создают живую музыку – диалог планеты с пришельцами.

Атмосфера была насыщена фторными аэрозолями, которые образовывали плотные облака. В инфракрасном диапазоне они светились мягким сиянием, словно скрытые огни, невидимые человеческому глазу без приборов. Небо постоянно меняло облик: облака перекатывались, меняют форму и оттенки, реагируя на энергетические импульсы планеты. Иногда казалось, что они повторяют ритм «нервных сигналов» шпилей и моря, становясь частью единой живой сети. Облака вспыхивали мягкими волнами света, отражая голубое сияние шпилей. Казалось, что небеса и земля обменивались сообщениями и люди становились свидетелями диалога живой планеты с самой собой.

Время от времени в воздухе появлялись летающие кристаллы – странные существа, удерживаемые реакциями, выделяющими лёгкие газы. Они парили, переливались и издавали тихие вибрации, словно пели вместе с ветром. Их движение напоминало танец, а отражённый свет делал их похожими на живые звёзды, зависшие в атмосфере. Они появлялись неожиданно, словно вспыхивали из самой атмосферы. Их тела были полупрозрачными, с гранями, преломляющими свет и каждый перелив создавал ощущение, будто в воздухе парят живые звёзды. Один из кристаллов приблизился к людям, зависнув прямо перед ними. Его грани вспыхнули

мягким светом, складываясь в узор – словно он пытался заговорить.

На горизонте, у самого берега фторуглеродного моря, возвышалось нечто, напоминающее лес. Но это был не привычный лес – вместо деревьев тянулись вверх кристаллические структуры, похожие на стволы, переплетённые между собой светящимися ветвями. Их поверхности отражали голубое свечение океана, а внутри слышался тихий звон, словно каждая «деревянная» форма была музыкальным инструментом. Ветер проходил сквозь их переплетения, рождая мелодию, похожую на хор из тысяч голосов.

Все трое двинулись к лесу, и с каждым шагом их окружала всё более странная и завораживающая атмосфера. Берег моря постепенно переходил в пространство, где кристаллические «деревья» тянулись вверх, образуя переплетённые своды.

Элиса шла впереди, осторожно касаясь кристаллов ладонью. Каждый её шаг отзывался мягким светом, будто лес реагировал на прикосновение. Она двигалась всё глубже в кристаллический лес, и каждый её шаг словно пробуждал пространство вокруг. Стоило её ладони коснуться грани – та вспыхивала мягким голубым светом, а рядом другие кристаллы отзывались тихим звоном, будто лес передавал приветствие по цепочке. Световые импульсы расходились по «стволам», складываясь в узоры, похожие на нервные сигналы. Казалось, что лес не просто реагирует на её присутствие,

а ведёт её внутрь, открывая путь.

Верена держала приборы наготове: спектроанализатор фиксировал ритмичные импульсы, совпадающие с вибрациями моря и облаков.

– Это часть единой сети, – сказала она. Верена шла осторожно, держа спектроанализатор так, будто он был её проводником в этом чужом мире.

Кайо шагал рядом. Перед ними кристаллы складывались в арки, образуя коридоры, которые светились мягким голубым сиянием. Тропы действительно формировались сами – словно живой организм раздвигал свои структуры, приглашая их пройти дальше. Гул усиливался, становясь похожим на низкое пение, и каждый шаг экипажа отзывался новым узором света.

– Посмотрите на это! Там…в чаще леса! – почти закричала Элиса.

Между сияющих «стволов» леса скользили прозрачные существа, напоминающие ящериц, но их тела были собраны из кристаллических пластин, переливающихся в голубом свете. Когда одна из кристаллических «ящериц» приблизилась, её пластины вспыхнули узором света, и звон превратился в ритмичную мелодию. Казалось, что существо пыталось передать послание не словами, а музыкой и сиянием.

Элиса не могла скрыть восторг от увиденных существ. Она остановилась, глаза её сияли отражённым светом, и улыбка озарила лицо: – Это невероятно… они живые, и в то

же время – часть музыки леса! – она протянула руку, и одна из кристаллических «ящериц» замерла на миг, её пластины вспыхнули мягким узором, будто отвечая на восторг девушки.

В глубине леса показались более массивные существа – их силуэты напоминали зверей, выточенных из кварца. Полупрозрачные тела переливались, словно внутри них текли световые потоки. Каждый их шаг отзывался тяжёлой вибрацией, которая проходила по кристаллическим «стволам» и усиливала общий гул леса. Эти кварцевые звери двигались медленно и величественно, будто сами были частью архитектуры планеты. Их присутствие не нарушало гармонию, а наоборот – делало её глубже, насыщеннее. Лес звучал иначе, когда они проходили: звон становился низким, похожим на басовые ноты, дополняя мелодию лёгких «ящериц» и воздушных существ.

На гранях кристаллов мерцали крошечные «световые насекомые». Их тела были прозрачными, словно сотканными из энергии, а каждое движение оставляло за собой тонкий след сияния – будто линии света, нарисованные в воздухе. Когда они собирались в рой, их траектории переплетались, и сияющие следы складывались в узоры. Иногда эти узоры напоминали простые геометрические фигуры, но порой превращались в сложные символы, словно письмена.

Верене показалось, что в воздухе есть движение. Она подняла голову вверх. В кронах леса парили лёгкие «кристалли-

ческие птицы». Их тела были вытянутыми и прозрачными, словно сотканными из света, а крылья переливались всеми оттенками голубого и серебристого.

– Элиса, Кайо, посмотрите вверх. – произнесла она, застыв в оцепенении, будто боясь нарушить увиденное. Стая кристаллических птиц кружила всё выше, и их движение становилось всё более упорядоченным. Переливчатые крылья оставляли за собой сияющие линии, которые переплетались в воздухе, словно живые нити света. Постепенно эти линии сложились в небесный орнамент – сложный и величественный, похожий на символ, созданный самой планетой. Орнамент сиял над лесом, отражаясь в гранях кристаллов и в поверхности моря. Лес отозвался низким гулом, а рой световых насекомых на стволах начал складывать похожие узоры, будто подтверждая значение небесного знака.

Все трое стояли неподвижно, словно зачарованные. Их взгляды были прикованы к небесному орнаменту, сотканному из сияющих линий полёта кристаллических птиц. Элиса, Верена и Кайо не обменивались словами – они чувствовали, что любое слово будет лишним. Музыка вибраций, звон кристаллов и сияние узоров говорили за них.

Голос Алисы прозвучал в шлемофонах чётко и спокойно, словно напоминание о том, что их пребывание в этом лесу ограничено:

– Остаточное время выхода два часа, – сказала она, и слова её прозвенели на фоне мелодии леса, будто стали частью

симфонии.

Экипаж обменялся взглядами. Восхищение и трепет от увиденного переплетались с осознанием: времени мало, а лес продолжает открывать перед ними свои тайны.

Элиса уверенно шагнула вперёд, её голос прозвучал в шлемофонах с лёгким оттенком восторга: – Идёмте к берегу, уверена, там тоже есть живые существа.

Море переливалось голубым светом, и его поверхность словно отзывалась на слова Элисы: вспыхивали узоры, похожие на дыхание. Берег манил загадочными отражениями: там, где кристаллы соприкасались с водой, рождались странные формы, будто граница суши и океана была местом встречи разных миров.

Верена проверила приборы: импульсы усиливались, словно подтверждая догадку Элисы. Кайо вслушивался в гул, который становился глубже и насыщеннее по мере их приближения. Лес позади звучал как хор, а впереди море готовило свою собственную мелодию.

На берегу их встретил иной мир – мир морских существ, столь же удивительных, как и обитатели леса. Кристаллические медузы плавали в воде, их купола сияли всеми оттенками синего, словно кусочки небесного свода опустились в океан. Каждое их движение рождало световые волны, расходящиеся по поверхности моря, и казалось, что само море превращается в живой экран. Медузы собирались в плавные круги, их кристаллические купола переливались так ярко,

что вода вокруг становилась похожей на живое зеркало. Сияние переплеталось, и узоры, рождающиеся в глубине, поднимались вверх, словно сама поверхность моря была порталом. Живые мандалы вспыхивали над океаном, отражаясь в облаках. Небо отвечало: линии света складывались в новые фигуры, будто океан и небеса вели диалог на языке символов. Каждый узор был не просто красивым – он нес в себе ритм, совпадающий с вибрацией леса и гулом кварцевых зверей.

На границе воды и суши мерцали «световые крабы». Их панцири, собранные из кристаллических пластин, переливались в лучах, отражённых от моря и леса. Каждый их шаг оставлял сияющий след – тонкие линии, похожие на письмена. Крабы двигались по песку, словно живые писцы. Эти знаки были не случайны – они повторяли мотивы, которые команда уже видела в узорах медуз и в небесных орнаментах, созданных кристаллическими птицами.

В глубине океана мелькали вытянутые силуэты рыб, их прозрачные тела сияли мягким светом, словно внутри них текли живые потоки энергии. Плавники излучали мерцающее свечение, и каждое движение создавало вибрации. Некоторые из этих рыб испускали ритмичные импульсы – световые и звуковые. Они совпадали с вибрацией облаков, словно океан и небеса были связаны невидимыми нитями. В этот момент стало ясно: планета разговаривала сама с собой через разные формы жизни, а команда лишь стала свидетелем её великого диалога. Ритмичные импульсы рыб станови-

лись всё более отчётливыми, и казалось, что океан и облака вступили в перекличку.

Люди стояли в полной тишине, словно растворившись в величии момента. Их дыхание казалось неуместным рядом с симфонией планеты, которая звучала вокруг. Элиса, Верена и Кайо чувствовали, что они стали частью чего-то гораздо большего, чем исследовательская миссия. Перед ними раскрывалась живая сеть, объединяющая все стихии и формы жизни в единый язык.

Кайо нахмурился, его голос прозвучал в шлемофонах с оттенком досады: – Я не вижу никаких признаков разумной жизни. Возможно, она только в стадии зарождения.

Эти слова повисли в тишине, словно контраст к величию симфонии планеты. Элиса и Верена переглянулись: для них всё происходящее уже казалось проявлением разума, пусть не привычного, но иного, распределённого между лесом, морем и небом.

Элиса мягко возразила: – А если разум здесь – не в отдельных существах, а в самой сети? В гармонии, которую мы слышим? – Элиса произнесла это тихо, но её слова словно стали частью самой вибрации леса.

Верена подняла взгляд к небу, где ещё мерцали узоры птиц: – Она права. Мы ищем привычные признаки разума – речь, жесты, формы. Но здесь разум может быть распределённым. Сеть, которая объединяет лес, море и небо.

Взгляд Кайо задержался на световых крабах, складываю-

щих символы на песке: – Если это и есть разум, он выражает себя иначе. Не через слова, а через гармонию.

В этот момент импульсы рыб в глубине совпали с сиянием медуз и узорами в небе. Всё пространство вокруг словно ответило на мысль Элисы, подтверждая её догадку.

Верена добавила, её голос звучал сосредоточенно, но с оттенком восхищения:– Импульсы повторяются слишком упорядоченно, чтобы быть случайностью. Это не хаос природы, а структура. – она смотрела на приборы, где линии вибраций складывались в чёткий ритм, напоминающий код.

Элиса кивнула, её глаза сияли: – Это язык. Мы должны научиться его читать.

Кайо, всё ещё сомневающийся, вздохнул с сожалением: – Если это и есть разум, он выражает себя иначе, чем мы привыкли. Но… возможно, мы действительно стоим перед его проявлением. – его взгляд задержался на узорах в небе – Если это и есть разум, то он ещё только учится говорить. – его слова прозвучали почти как признание.

Элиса и Верена молчали, но в их глазах отражался тот же трепет: узоры действительно напоминали речь – не привычную, а первобытную, словно первые слова нового языка. Планета будто пробовала себя в роли собеседника, складывая символы из света, звука и движения. В этот миг узор в небе изменился: линии соединились в форму, похожую на круг с расходящимися лучами. Он был простым, но в своей простоте – ясным, как детская попытка сказать «я есть».

Голос капитана прозвучал твёрдо, словно разрезая магию момента: – Продолжайте исследование. К сожалению, биологические образцы к сбору не пригодны. На Орионикссе мы не в состоянии создать микроклимат для них. Неорганику, воду, воздух можете собирать.

Экипаж словно очнулся от сна. Элиса, Верена и Кайо обменялись взглядами – их сердца ещё были полны трепета от увиденного, но слова капитана вернули их к практической задаче.

Элиса вздохнула, но кивнула: – Значит, будем работать с тем, что можем. Вода и воздух – это тоже часть её речи.

Верена уже настраивала приборы: – Неорганика фиксирует энергетические импульсы. Если мы соберём образцы среды, возможно, поймём структуру сети.

Кайо сдержанно добавил: – Да… даже если мы не можем взять существ, мы можем взять их дыхание.

Их шаги по песку стали более уверенными. Теперь они знали: исследование не ограничивается сбором биологии. Планета сама предлагала им свои элементы – воду, воздух, энергию – как страницы книги, которую они должны прочитать. Когда первые образцы были собраны, стало ясно: вода переливалась не только светом, но и вибрацией, словно в её структуре были закодированы ритмы планеты. Воздух же оказался насыщен тонкими энергетическими потоками, которые совпадали с импульсами леса и океана.

Голос Алисы прозвучал в шлемофонах сухо и уверенно,

словно холодный сигнал, возвращающий команду к реальности: – Оставшееся время выхода – 45 минут. Рекомендую начать возвращение.

Люди вздрогнули, будто вырванные из сна. Элиса, Верена и Кайо ещё стояли под впечатлением от величия планеты, её языка и гармонии, но слова Алисы напомнили им о строгих границах миссии. Их шаги по направлению к точке выхода были тяжёлыми, словно каждый шаг отрывал их от живого разговора планеты. Но в сердце каждого из них уже горела мысль: они вернутся. Кайо мимолётно кинул взгляд на вершину холма, что возвышался не далеко от леса и… застыл, его дыхание перехватило. На вершине холма, освещённого мягким сиянием леса, стояла фигура. Она была вытянутая, силуэт напоминал человеческий, но в очертаниях угадывались черты рептилии: длинные конечности, изломанный изгиб позвоночника, голова с гребнем, переливающимся кристаллическим светом. Фигура не двигалась, но её присутствие ощущалось мощно, почти давяще. Казалось, что она сама была частью сети планеты – воплощением её голоса в форме, понятной для восприятия экипажа.

Кайо едва слышно произнёс, словно сам не верил своим глазам: – Там… на холме у леса.

Элиса и Верена одновременно повернули головы в указанном направлении. На вершине холма, где лес смыкался с небом, мерцала фигура. Она была неподвижна, но её силуэт словно колебался между формами: то напоминал человече-

ский, то приобретал очертания рептилии, переливаясь кристаллическим светом. Все трое синхронно активировали визоры, увеличив масштаб изображения. Силуэт на вершине холма стал отчётливее: фигура действительно имела очертания, напоминающие человека, но её кожа переливалась кристаллическими пластинами, а движения, едва заметные, были слишком плавными, словно она состояла из света и материи одновременно. На голове угадывался гребень, похожий на гребень у рептилий, но он светился мягким голубым сиянием. Руки вытянуты, пальцы длинные, будто приспособленные не для схватки, а для жестов. Вокруг фигуры воздух дрожал, как от тепла.

Элиса прошептала, почти не веря собственным глазам: – Капитан, Вы видите это?

В шлемофонах повисла пауза. Казалось, даже система связи на мгновение замерла, отражая напряжение момента. Затем голос капитана прозвучал глухо, сдержанно, но в нём чувствовалось удивление: – Да… вижу. Зафиксируйте изображение. Не приближайтесь, пока не будет ясно, что это.

Фигура на холме оставалась неподвижной, её кристаллический силуэт переливался, словно собирая свет леса и океана. Она будто ждала, пока люди сделают первый шаг. Верена подняла руку и осторожно помахала силуэту, словно приветствуя его. На мгновение казалось, что воздух вокруг фигуры дрогнул, усилив сияние её кристаллического гребня. Но в тот же миг она скользнула за противоположную сторону холма плавно, почти беззвучно, будто растворяясь в самой ткани мира.

Верена, всё ещё держа руку поднятой, тихо добавила: – Это был контакт. Короткий, но настоящий.

Кайо нахмурился, его слова прозвучали сдержанно, но в них чувствовалась смесь тревоги и осознания: – Она ушла. Но это значит, что разум здесь только зарождается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.